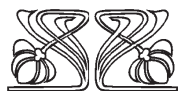
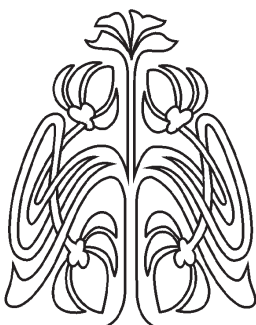


ЯКОВ ФОМИЧ АСКИН

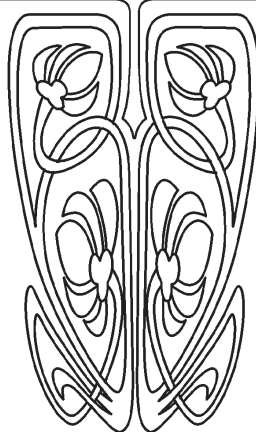
(1926–1997)

Г.Н. ПЕТРОВА, О.И. КУЛАПИНА, Р.Д. КЛОЧКОВСКАЯ

МЫСЛИТЕЛЬ. НАСТАВНИК. ЧЕЛОВЕК



УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
ЛЕТОПИСЬ



*Придёт мой час,
И стану прахом безмянным.
Я лягу листьями в траву,
Водой солёной в океаны,
Песком, желтеющим во рву,
Дышать с Землёй
Вторым дыханьем.*

Яков Аскин

Уходящий из жизни ученый оставляет людям то, что он успел осмыслить и понять. И чем разумнее человек, чем выше его культура, тем интереснее для потомков становится его личность. Философское осмысление жизни и философская культура проникновения в сущность бытия и человеческого «Я» доступны немногим. К их числу принадлежал Яков Фомич Аскин.

Родился Яков Фомич в Кунгуре Пермской области 16 октября 1926 года. Детство его прошло в г. Старый Оскол Курской области, где его отец Аскинадзе Фома Семенович, 1881 года рождения, работал в отделе технического снабжения на строительстве шахт Курской магнитной аномалии. В Старом Осколе Яков Фомич пошел в школу. Но осенью 1941 года его семья вместе с трестом «КМАстрой» переезжает в Новотроицк Оренбургской области. По окончании школы в 1942 году он поступает в Индустриальный институт в Свердловске (ныне Екатеринбург).

Когда началась Великая Отечественная война, Аскину было 15 лет, но уже тогда он был одержим желанием пойти добровольцем на фронт. Позже, когда уже осуществилось его желание (в 1944 году), в письме к родителям он объяснит мотивы своего поведения: «Я внук и сын солдата русской армии... Я не хочу, чтобы после войны меня кто-то мог упрекнуть в трусости». В письме от 13 ноября 1944 года, адресованном командиру 15 зенитно-стрелкового полка, он пишет, что желает принять участие в священной борьбе против фашизма и просит отправить его на фронт с первым маршевым эшелоном.

Аскин был зачислен курсантом в учебный полк самоходной артиллерии в г. Свердловске, где и принял воинскую присягу. Это был короткий, но очень важный в плане поиска себя период его жизни. Яков Фомич участвовал в боях, которые шли в Восточной Пруссии, где, как он вспоминал позже, каждый понимал, что наступил смертный час фашизму. Войска вели суровые бои. «Но радостно было видеть, как получали свободу тысячи наших соотечественников и граждан антигитлеровской коалиции, томившихся в неволе концентрационных лагерей... Особенно тяжелыми, затяжными были бои юго-западнее Кенигсберга. Упорное сопротивление противника, взятого в кольцо, скопление большого количества боевой техники, недобрая прибалтийская погода – все это требовало большого напряжения...» (из заметки в газете «Ленинский путь» от 19 ноября 1976 года). Так описывает события их непосредственный участник – Яков Фомич.



В одном из боев осколком мины, разорвавшейся рядом, был поврежден ствол пушки, но бойцы продолжали вести огонь из уцелевших орудий. Яков Фомич в числе других участников боя был награжден медалью «За отвагу». Он очень дорожил этой наградой.

Теме войны он посвятит целый ряд стихов.

*Нам жить досталось на войне.
И эта боль, и эта сила
Навек в тебе, навек во мне.*

* * *

*Мы шли в огне по колени
И все-таки не сгорели
Шагает мое поколение,
Вошедшее в мир в шинелях.*

«Фронт на всю жизнь, как купель» – так сам философ определил роль этого периода в своем становлении. Многочисленные газетные вырезки, собственные заметки о «фронтовых грозных» днях, наброски, найденные в его архиве, наводят на мысль, что, возможно, он собирался написать книгу о войне, но, к сожалению, так и не осуществил свой замысел.

По окончании войны Аскин принимает судьбоносное решение посвятить себя философии. Первого сентября 1946 года он становится студентом философского факультета Московского государственного университета. Далее начинается стремительный подъем по ступенькам профессиональной деятельности: окончание университета, учеба в аспирантуре, защита кандидатской диссертации. Свою педагогическую деятельность он начинает в 1953 году с преподавания в Вольске Саратовской области, куда был направлен по окончании аспирантуры заведующим кафедрой марксизма-ленинизма Учительского института. Однако в 1955 году институт был ликвидирован, а Яков Фомич переведен в Саратовский педагогический институт, где проработал 13 лет, из них последние 8 лет заведовал кафедрой философии. В 1963 году Яков Фомич сокращает фамилию Аскинадзе, изменив ее на Аскин.

1968 год – новый важный поворот в жизни ученого. Он принимает приглашение на должность заведующего кафедрой философии Саратовского государственного университета. Находясь на этом посту в течение 17 лет, он фактически создает свою философскую школу, которая становится известной и далеко за пределами Саратова. Подготовка кадров – важнейшая составляющая его деятельности. Непосредственно под его руководством были подготовлены и защищены 44 кандидатские диссертации. Во многом этому способствовал организованный им первый философский Совет в Поволжье, председателем которого он стал и которым руководил долгие годы. Двенадцать докторов наук получили отсюда «путевку в жизнь». Большая организаторская работа

не мешала его собственному научному творчеству. Он активно включается в работу семинара по проблемам времени в искусстве, который работал в Ленинградском государственном университете, публикует ряд статей в сборниках, выпускаемых творческим коллективом семинара. В сентябре 1971 года он выступает в Бухаресте на Международном конгрессе с докладом на русском и французском языках, принимает участие в работе симпозиумов, союзных конференций, всесоюзных совещаний заведующих кафедрами.

По инициативе философа в Саратове возникает целая сеть методологических семинаров, городской философский методологический семинар, который возглавил он сам. Методологическим вопросам науки ученый уделял особо пристальное внимание: под редакцией Якова Фомича и при его участии были изданы 10 выпусков сборника «Методологические вопросы науки» (1972–1978). В них публиковались не только философы, но и представители других наук. Как профессиональный философ Аскин был убежден, что философия не может плодотворно развиваться без опоры на естественно-научное и гуманитарное знание.

Разносторонняя деятельность Якова Фомича принесла ему широкую известность далеко за пределами Саратова. Он работает в тесном контакте с институтами философии, академиями наук России, Украины, Белоруссии, сотрудничает с философскими факультетами МГУ, ЛГУ и другими. Доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки России, член-корреспондент итальянского Общества науки, научный консультант журнала «Философские науки» – даже этот неполный перечень его регалий дает представление о размахе и многогранности его деятельности.

90-е годы – самый сложный период в жизни философа. Он тяжело переживает происходящие в нашей стране перемены. В его личных записях, обнаруженных в архиве, не случайно все чаще звучит тема смысла жизни, смерти, страха, зыбкости существования. Но рядом с сомнениями опять другой – жизнеутверждающий – мотив. Надежда на лучшее не покидает философа: «Да пребудет с нами надежда вместе с верой и любовью в наши океанные дни».

Яков Фомич Аскин прожил насыщенную жизнь, полную профессиональных занятий, круг которых постоянно расширялся. В одной из своих записей он наметил своеобразный жизненный план, дела, которые надо сделать: овладеть свободной речью по-французски и по-английски, логикой как наукой. Все это посылить и можно сделать. Надо только делать. Каждодневно. Не откладывая. Эти вещи имеют не только инструментальное значение. Они представляют собой самодавлеющие ценности. Этот, казалось бы, непримечательный факт позволяет многое понять в могучей натуре Якова Фомича. Непрерывный труд, постоянная работа над собой – привычный способ его существования. У него имелись все



основания, чтобы, оценивая пройденный путь, быть довольным собой. С присущим ему чувством юмора он записывает в своем дневнике: «Я чувствую себя мощным паровым молотом, способным ковать детали для гигантских турбин».

Пришло признание. Он награжден медалью «За трудовое отличие», орденом «Знак Почета», ему присвоено звание заслуженный деятель науки Российской Федерации и звание почетного профессора Саратовского государственного университета. Имя его известно далеко за пределами Саратова и России, десятки его учеников вышли в большую жизнь, став кандидатами и докторами наук. Яков Фомич гордился их успехами, и даже когда кто-то из успешных учеников предавал его, он не испытывал, по его собственному признанию, ни обиды, ни зависти, ни отчаяния. Главное для него – остаться самим собой. Это и есть основное достижение, вызывающее благостное состояние: «Не ушел из самого себя, не утратил самого себя. Реализовал самого себя, состоялся».

Незадолго до смерти он решил уйти на пенсию, сказав, что здоровье не позволяет работать так, как он хотел бы. Но при этом Яков Фомич выразил надежду, что навсегда останется с университетом, «как и он со мной».

Яков Фомич ушел из жизни 30 октября 1997 года. Так случилось, что октябрь стал и временем его рождения, и временем смерти. Сошлись начало и конец, завершив путь большого, мудрого человека, шагнувшего в вечность. Но надежда его сбылась: он навсегда остается с университетом, как того и желал. Его именем на факультете философии и психологии названа одна из аудиторий. Об этом свидетельствуют мемориальная доска на двери и большой портрет ученого в аудитории. Лучшей памятью, данью человеку, создавшему свою философскую школу, стали философские чтения, носящие его имя, которые раз в два года проводят его ученики, передавая эстафету памяти о нем последующим поколениям.

Г.Н. ПЕТРОВА, О.И. КУЛАПИНА, Р.Д. КЛОЧКОВСКАЯ

НАУЧНАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРА Я.Ф. АСКИНА

*Меня когда-то друзья звали Янусом.
Оказалось пророческим: Янус ведь
бог времени. Это был перст мне
посвятить себя проблеме времени.*

Яков Аскин

Опорой ученого была и остается философия, именно в ней Аскин видел смысл своей жизни. А сама его философия была жизненной, открытой человеческому разуму. Мало кто из современных философов смог создать свое философское мироздание. Яков Фомич создает свою философскую вселенную. Как отмечает один из его учеников, академик РАН В.Б. Устьянцев, его необычная, пульсирующая духовная субстанция начинается и завершается осмыслением фундаментальных основ бытия. Его философия может быть названа философией начал, и основные понятия ее – становление, время, детерминизм, развитие, творчество. Именно этот логический ряд выстраивается на протяжении творческого пути философа. Каждое из этих начал обосновано Яковом Фомичем онтологически, выражено в философских понятиях и категориях. Под редакцией Аскина выходят коллективные исследования, посвященные философским принципам и категориям: «Принцип развития» (1972), «Принцип единства» (1980), «Принцип детерминизма» (1983), сборники «Общество и природа. Вопросы методологии» (1987), «Философские вопросы теории творчества» (1992). Он являлся одним из авторов коллективных монографий «Бесконечность и вселенная» (1969), «Пространство, время, движение» (1971), «Ритм, пространство и время в литературе и искусстве» (1974), «Философские

основания естественных наук» (1976), «Время и философские учения» (на английском языке 1977 г., на французском 1978 г.), «Н.Г. Чернышевский и современность» (1980), «Материалистическая диалектика и общая теория развития» (1982), «Пространство и время в искусстве» (1988). Это лишь немногий перечень работ из богатейшего наследия мыслителя, которое включает в себя более двухсот научных работ, множество брошюр и, конечно, монографии «Проблема времени. Ее философское истолкование» (1966) и «Философский детерминизм и научное познание» (1977).

Книга «Проблема времени. Ее философское истолкование» родилась в процессе работы над докторской диссертацией. Она стала первым серьезным шагом к восхождению на философский Олимп. Оценивая ее значение, сам философ напишет, что поистине его книга стала общепризнанной, основополагающей, а он оказался отцом целой школы, родоначальником целого направления. Именно эта книга принесла Аскину международную известность, будучи переведенной на ряд языков (испанский, португальский, в частности). Позже его труды публикуются в Болгарии, Бразилии, Венгрии, Германии, Франции. По оценке самого философа, книга «Проблема времени» методологически насыщена «философией начала» второй половины XX века.



Время как одно из начал философии представит в его работе способом осмысления субстанциальных свойств Вселенной, материального мира. При этом Яков Фомич отходит от традиционного, сложившегося в философии подхода рассматривать время в контексте проблемы «пространство и время». Он стремится раскрыть сущность времени, используя в качестве основной категорию становления, опираясь на идею Гегеля о связи времени со становлением, но эта идея получает у него новое звучание. Выдвигая временные структуры одним из оснований мироздания, Аскин приходит к новой постановке проблемы противоречивости всего сущего, формулирует антиномии, новые для рационализма второй половины XX века. Он усиливает категориальные структуры начал, выраженные в классической философии. Временные структуры материи не только обосновываются ученым в качестве одного из начал мироздания, но и раскрываются в методологических конструкциях.

Позже, выступая в Бухаресте на Четвертом Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки с докладом «Проблемы времени в современной физике и его философская интерпретация», философ блестяще обосновал связь фундаментальных проблем времени с временными структурами микромира.

Понятие времени как атрибутивной формы бытия выводит философа на количественные (позже-раньше) и качественные (прошлое, настоящее, будущее) характеристики темпоральности. Понятие «позже-раньше» раскрывает последовательность событий, что и образует течение времени. Но время не само движется, а движутся вещи во времени. Модусы времени (прошлое, настоящее, будущее) характеризуют, подчеркивает Аскин, реальные отношения между состояниями объекта в процессе его развития. Различие между настоящим, прошлым и будущим есть различие между осуществившимся, осуществляющимся и пока еще не осуществленным. Здесь временной аспект изменения выражает именно процесс становления, переход между бытием и небытием.

Тема времени навсегда останется сквозной в творчестве философа. Время и вечность, время и культура, социальное время – все это входит в сферу его научных интересов. Под руководством Аскина на кафедре защищается первая в СССР диссертация по социальному времени (преподаватель Н.И. Листвина), что дало мощный толчок к дальнейшему интенсивному исследованию данного феномена советскими философами.

Наряду с понятием социального времени вводится понятие исторического времени. Эти понятия, показывает Яков Фомич, связаны друг с другом, но не являются тождественными. Социальное время как длительность и существование человеческой деятельности, общественных процессов и социальных субъектов выступает в

качестве исторического времени, содержание и масштаб измерения которого соответствуют скорости протекания социальных процессов в разные периоды исторического развития.

Вступая в полемику с теми, кто выступал против понятия модификации времени (существования наряду с физическим геологического, биологического и т.д. времени), он настаивает на признании многообразия времен и в этой связи обращается к исследованию культурного и художественного времени. Культурное время рассматривается им как один из аспектов социального времени. В этом, по его мнению, проявляется один из методологических аспектов монистического подхода к миру, который, разумеется, не исключает учета специфики культурного времени. Временная последовательность исторических процессов и культурных состояний общества понимается философом как средство ориентации человека в мире и механизм его постижения. Поэтому культурное время (в контексте культурного пространства человека) следует рассматривать не только в форме историко-культурного бытия, но и в контексте личного существования, индивидуальности и структуры жизненной позиции индивида – вывод, к которому приходит философ.

Такой подход выводит Аскина на понятие субъективного времени личности. Последнее определяется им, с одной стороны, как последовательность событий, а с другой – как совокупность интенций человека, связанных с его поведением. Инверсию времени человека он связывает с его творческим мышлением и способностью осознать мир любого модуса времени. Это значит, что сознание человека способно перемещать его во времени. Направленность и необратимость социального и культурного времени, представленные в виде его личностного аспекта – субъективного времени, – приобретают относительную обратимость. Человек может мысленно воссоздать прежнюю ситуацию, представить в сознании прошлое, чтобы изменить настоящее и строить будущее. Осознание субъективного времени, считает философ, особенно важно для понимания жизни человека, так как отличие субъективного времени от объективного в том, что оно выступает в форме сознательного целеполагания.

Важный компонент культурного времени – художественное время, которому Яков Фомич посвящает ряд статей, опубликованных в сборниках «Ритм, пространство и время в литературе и искусстве» и «Пространство и время в искусстве». Публикацию данных статей он считает для себя знаменательным событием, ибо это выход в сферу для него незнакомую. Свою книгу «Проблема времени» он послал В. Шкловскому, В. Катаеву и П. Антокольскому. Интересна их реакция: Шкловский ответил письмом, Катаев – книгой, Антокольский поступил «более радикально» – использовал в своем «Кубике». Очная встреча с



писателем Шкловским подтверждает, что его труд не остался незамеченным. Окрыленный успехом и верой в свою научную состоятельность он продолжает разрабатывать эту «жилу». Смыслом произведения искусства, предполагает философ, является эстетически освоенное время, которое само обладает сложной структурой. Мир произведений искусства позволяет людям на уровне индивидуального сознания путешествовать во времени, предоставляя им удивительный способ завоевания господства над временем.

Человек осознает и постигает свою эпоху при помощи самосознания, а также существующих форм искусства, культуры в целом, практической и духовной деятельности. А сам способ переживания и осознания времени обусловлен культурно-исторически.

Для выяснения сущности времени, более углубленного его понимания следует идти дальше – от движения к развитию, что философ и делает, обращаясь к еще одной фундаментальной проблеме бытия – проблеме детерминизма.

На базе исследования методологических основ научного познания Яков Фомич предлагает обобщенную концепцию детерминизма, работа над которой началась задолго до опубликования книги «Философский детерминизм и научное познание». Еще в 1966 году в журнале «Вопросы философии» философ, включаясь в дискуссию вокруг понятия «детерминизм», начавшуюся в связи с новейшими фундаментальными открытиями в естествознании, высказывает мысль о нетождественности понятий «причинность» и «детерминизм». Причинность же он рассматривает как генетическое отношение, приобретающее временной характер: между причиной и следствием непременно следует ожидать временного промежутка. Переосмысливая существующее понятие детерминизма, он публикует сначала брошюру «Философский детерминизм» – своеобразный каркас будущей концепции, изложенной в монографии «Философский детерминизм и научное познание» (1977) Сам Яков Фомич называет эту работу продолжением книги «Проблема времени».

Понятие детерминизма философ связывает с представлениями об определенности вещи (события) факторами, которым данная вещь (событие) обязана характеризующими ее признаками и самим своим существованием. В этой трактовке детерминизм обозначает «связь, выражающую зависимость вещей и явлений в их существовании и изменении от любых факторов». Это определение обладало конкретным преимуществом: в нем понятие детерминизма не только связывается с положением о всеобщей взаимосвязи и взаимодействии (что, конечно, важно, так как взаимосвязь и взаимодействие являются основой детерминации любых видов), но и выражает активную сторону этой взаимосвязи, которая выступает как движение, развитие. Выстраивая здание детерминизма,

Аскин разрабатывает и классификацию детерминационных зависимостей, в которой он различает понятия формы (способа) детерминации, типа и вида детерминации.

Форма, или способ, характеризует конкретный процесс, осуществляющий детерминацию в том или ином случае. Виды детерминации характеризуют ее с точки зрения содержания детерминирующих связей и не включают в себя непосредственно указание на тот или иной процесс.

Виды детерминации могут быть структурированы на основании некоторых общих признаков по определенным типам. Положив в основу типологии временные отношения, философ выделяет три типа: детерминация прошлым, настоящим и будущим. Таким образом теория детерминизма связывается с учением о развитии. Раскрывая имманентную связь времени с причинностью, он отмечает, что последовательность временных моментов выражает чередование этапов, фаз развития, смену звеньев причинно-следственной цепи процессов развития. Еще раньше в монографии «Проблема времени» он показал, что время выступает как такая форма бытия всего сущего, которая связана с переходом между бытием и небытием, с тем, что определяется термином «становление». Сам же этот переход есть переход возможности в действительность. Подобный подход позволил философу, возвращаясь к модусам времени, определить прошлое как реализованные возможности, настоящее как переход возможности в действительность, будущее как реальные возможности, объективные тенденции, зреющие в недрах наличной действительности. «Великолепно-логический выход моего понимания развития в практическую среду» – так он сам определяет значение сделанного им вывода.

Стремясь найти выход в практическую сферу, философ обращается к проблеме управления общественными процессами, коренным признаком которого (управления) является его целенаправленный характер. Именно поэтому важное значение для характеристики объективных основ выработки целей управленческой деятельности имеет категория «тенденция». Тенденция, по мнению ученого, выражает будущее, вытекающее из реальной ситуации, складывающейся в настоящем и взятой с точки зрения ее включенности в процесс развития. Осознание тенденции развития экономических, социальных, культурных и иных процессов – необходимый фактор направленности управления на конечные результаты деятельности.

Метафизическое сведение реальности только к одному настоящему моменту лишает реальность длительности. Реализация тенденций социального развития, подчеркивает философ, – это глубоко творческий процесс, в котором важнейшую роль играет человеческий фактор. Но сама человеческая деятельность по созданию нового детермини-



рована, поскольку она обусловлена объективными законами, реализует объективные тенденции. Субъект проявляет свою созидательную роль, оказывая воздействие на противоборство различных тенденций. Именно он осуществляет выбор из имеющегося спектра возможностей, превращая их в действительность, в новую реальность с новыми возможностями. Обращает на себя внимание тот факт, что и в этих размышлениях философа акцент делается на аксиологический аспект: в процессе выбора из имеющихся возможностей важную роль играют ценностные ориентации субъекта, ценностный подход, ценностные установки общества. С этой точки зрения развитие личности, ее творческого потенциала оказывается важнейшей целью социального прогресса. В результате проблема направленности общественного развития связывается философом с проблемой человека. Так реализуется главная установка самого мыслителя – философия должна быть философией человека.

Идеи Якова Фомича открыли широкие возможности для исследований как в русле общей философской концепции детерминизма, так и в рамках выявления специфики детерминации в различных областях, изучаемых частными науками. В рамках первого направления речь шла о переосмыслении и интерпретации детерминизма как принципа, прежде всего, онтологии и гносеологии, выявлении его связей с другими философскими принципами. Установление связей принципа детерминизма с другими принципами, как было показано Яковом Фомичом, а затем и его учениками, обогатило интерпретацию каждого из принципов: развития, единства, самого детерминизма – и позволило представить детерминизм как всеобщий принцип бытия и познания, неотъемлемый компонент любой научной теории.

Играя важную роль в научном познании, принцип детерминизма выступает как регулятивный принцип в процессе научного исследования, позволяя правильно организовать последние, выбрать его направление, учесть или отбросить те или иные факторы, определяющие изучаемое явление. Исследование данного принципа имело еще одно следствие – оно способствовало решению проблем систематизации теории диалектики, ее категориального аппарата.

Концепция детерминизма, созданная саратовским ученым, не могла не привлечь внимания философской общественности. Появляются рецензии, отклики в различных изданиях, в том числе и в центральных журналах. Положительно оценивая в целом предложенное понимание детерминизма, некоторые известные философы выражают свое несогласие с введенной Яковом Фомичом категорией «детерминация будущим». Философа упрекают в ненужной засоренности философского языка и даже в налете мистицизма. Отвечая на появившуюся в печати критику, Яков Фомич пишет: «Оставив в стороне эмоции,

следует отметить, что неприятие «детерминации будущим», усмотрение в ней «элемента мистицизма» – это подход с позиций физиколистского, позитивистского мышления либо с точки зрения примитивного здравого смысла». С точки зрения философа, рецензенты не поняли сути дела, того, что понятие «детерминация будущим» есть часть концепции опережающего отражения действительности. Критики исходят из понимания детерминации только как силовой, фактически сводя ее лишь к причинности, и из обыденного понимания будущего как того, чего просто нет. С этих позиций, конечно, понять детерминацию будущим нельзя. Но позиции эти архаичны, примитивны и несостоятельны. Критика с таких позиций – не имманентная критика, она бьет мимо.

Отстаивая свою точку зрения, философ раскрывает собственное понимание будущего. Это не то, чего просто нет. Его ЕЩЕ нет в качестве реального бытия, но оно уже присутствует как поле возможностей, заряд потенциальной энергии, импульс творчества.

Время поставило точку в этой полемике, показав правоту саратовского философа, его позиции, его взгляда на развитие как направленный процесс, включающий в себя и детерминацию будущим. Категория «детерминация будущим» сегодня широко используется в философских исследованиях.

Работа над проблемами детерминизма не могла не вывести философа на вопрос о согласовании детерминированности и свободы. Для Аскина свобода есть нечто большее, чем только познанный необходимость (определение, на котором настаивала марксистская философия вслед за Спинозой и Гегелем). В своей основе свобода, по утверждению мыслителя, – это свобода воли, а воля – атрибут творческой личности, у которой свои мотивы, свои желания, свои критерии выбора. Так он подходит к вопросу, без выяснения которого, с его точки зрения, не будет завершена теория развития: как совместить детерминацию и творчество?

Проблема творчества, как показывают публикации и архивные документы Аскина, входит в круг его интересов приблизительно с конца 70-х годов. На первый взгляд может показаться, что это дань времени, так как интерес к творчеству как к объекту философского осмысления действительно характеризует рубеж 70–80-х годов. В 1979 году возникает «Симферопольский центр по изучению проблем творчества», а в 1989 году – союзная ассоциация «Теория творчества». Проходят многочисленные конференции, Всесоюзный семинар по проблемам методологии и теории творчества. Теория творчества начинает рассматриваться как самостоятельный раздел в философии.

Однако главная причина обращения Аскина к проблемам творчества менее всего связана с внешними обстоятельствами. Эта причина – назревшая внутренняя потребность обратиться к



ее изучению как самопознанию, познанию самого естества, сущности творческого акта. Не мог человек таких разносторонних интересов, такого высочайшего интеллекта, каким был философ Аскин, пройти мимо столь глубокого, специфического и во многом загадочного феномена, как творчество.

В стихотворении «Творчество» Яков Фомич так описывает необходимость обращения к названной проблеме:

*Но творчество! Это в природе
Корней и всего в глубине.
Оно, бередящее, входит,
Дверь не прикрыв, ко мне.*

Сама категория творчества рассматривается ученым весьма многосторонне: не только сквозь призму разработанных им категорий и понятий – времени, детерминизма, – но и через раскрытие неперемного атрибута любого творческого процесса свободы. Свою задачу он видит в том, чтобы выявить суть, природу, специфику творческого процесса, определить его закономерности. При этом он опирается не только на философские знания, но и другие его сферы – физику, химию, биологию, обращается к конкретным примерам из художественной литературы, как отечественной, так и зарубежной.

Особый интерес представляют его размышления о творчестве как феномене, устремленном в будущее. По сути, вся его концепция творчества основывается на едином подходе. Все фундаментальное, что есть в человеке, в обществе, в социальной сфере движения – специфическое проявление общих черт мира, – имеется в других формах движения в специфической, иногда неразвитой форме. Следовательно, все развитие направлено на совершенствование мира, на его будущее, а это значит, что оно включает в себя творчество. Обращенность творчества в будущее органично, более того, само будущее связано своим существованием творчеству. Не видя творческой природы мира, невозможно обнаружить движение и время. Приписывать творчество лишь человеку равносильно тому, чтобы лишить мир существования во времени. Такое понимание творчества шло явно вразрез с общепринятыми представлениями, что творчество – чисто человеческая принадлежность. Его понимание сводится к тому, что основные человеческие бытийные свойства являются выражением всеобщих свойств бытия с учетом своеобразия, соответствующего, материальных и духовных начал рода человеческого. В сущности, без исходящей из античности идеи родственного единства микрокосма и макрокосма, по мнению Якова Фомича, философия как теория всеобщего теряет смысл.

Можно соглашаться или не соглашаться с данной точкой зрения, но это его позиция, имеющая основания, уходящие во времена античности: в

той же мере, в какой химические элементы человеческого тела подобны химическим элементам природы, свойства человеческого духовного мира есть выражение некоей мудрости, разлитой во Вселенной. Мудрость эта понимается в виде Мирового Разума. Наука и философия понимают ее рационалистически, как объективные закономерности действительности. Таков его подход к пониманию творчества и времени.

Человек, существуя во времени, не просто погружен в поток геофизического окружения, он своей деятельностью, преодолевая реальное бытие, также слитно образует течение времени, которое есть выражение процесса развития, сменны его этапов. Закономерность истории – это во многом дорога, которая выстраивается по следам прошедшего. Люди могут видеть ее более или менее четко позади себя, но она весьма неопределенно предсказуема. Сама жизнь воспринимается философом как развитие, рост, впитывание нового. Даже жизненные огорчения, пишет философ в своих дневниках, должны восприниматься как принцип роста, стимул развития. Сознание того, что ты не обречен наличному бытию и потому возвышаешься над ним, не чувствуешь ярма над своей жизнью, порождает ее радостное ощущение. Радость от того, что жизнь – не закончена, что она показывает выход вперед – в новое будущее. Но это не противоречит пониманию наличной жизни как роста, развития. Наоборот, это входит неперемного ингредиентом в восприятие настоящего как развития – ингредиент чувства будущего, осознание реальных возможностей.

Возвращаясь к вопросу о том, согласуются ли друг с другом детерминизм и творчество, Яков Фомич утверждает, что, несомненно, творчество подвержено закону детерминизма, но это детерминизм вероятностный, многозначный, как многозначно и полифункционально творчество, которое лишает мир механистичности. Отсюда вытекает личностная позиция: кто мирится с зависимостью от чужой воли, кто жертвенно согласен, чтобы им манипулировали, тот не может быть творцом. У него нет и будущего. Более того, он лишен и прошлого, ибо прошлое, которое не порождает будущее, мертво. Но что тогда остается от настоящего, которое представляет собой не что иное, как переход между прошлым и будущим? Человек без творческого бытийного начала оказывается человеком, убившим в себе время.

Особое место в наследии Аскина по вопросам творчества занимает его рукопись-лекция «Творчество как философская категория» (1991). В ней ученый говорит о своем творчестве в философской науке, о публикациях, посвященных проблемам творчества. Получение пусть небольших, но все-таки результатов и есть достижение чего-то нового, чем и характеризуется творчество. Он критикует Анри Бергсона за его элитарную концепцию творчества и культуры. Подчеркивая значимость творчества как фундаментального



социального феномена, Аскин рассматривает его в качестве атрибута духовной субстанции. Слова Якова Фомича о закономерности развития творческого начала в человеке с успехом могут быть адресованы и к самому философу: «Чем сильнее представлено в человеке творческое начало, тем больше у него будущего и тем дальше оно простирается, делая просторнее временные рамки личности».

С особым почтением, даже поклонением Яков Фомич относился к творческим людям, вместе с тем считая, что существует разница между человеком и его творением. В этом он видит мерило таланта – произведения значительнее своего творца. Удивляет глубокое постижение ученым сути творческого процесса, чему, очевидно, способствовали его любовь к поэзии и собственное поэтическое дарование. Философ считал, что писание стихов оказало на него полезное влияние: «На всякое писание (по философии) я смотрю как на нечто творческое, а если нельзя писать творчески, то и вовсе не стоит писать. Невозможно писать по чужим мыслям. Обязательно должно быть что-то свое». Поэтические его пристрастия связаны с именами тех поэтов, которые представляли современную философскую лирику: Е. Винокуровым, Д. Самойловым, Б. Слуцким, Л. Мартыновым. Если предположить невероятное, что Аскин не стал бы профессиональным философом, то он наверняка мог состояться как писатель или поэт. Его печальные стихи «Осень», «Раздумье», «Памятники» – о жизни, о вечном, о войне и военном поколении, о счастье, горе, творчестве, стихи о стихах, о временах года, о смерти, после которой открывается «второе дыхание».

Еще будучи студентом Московского государственного университета Яков Фомич ходил в поэтический кружок, из которого впоследствии вышли такие известные поэты, как В. Кулемин, В. Солоухин. Он бережно хранил афишу о творческом вечере поэзии, где среди известных поэтических имен было и его имя.

Еще один мощный источник творчества самого философа – чтение, которое он называл благословенным занятием. «Как хорошо, что мне все время интересно читать!» – восклицает он. Ч. Диккенс, Ф. Рабле, В. Гете, В. Шекспир, Э. Хемингуэй, Д. Лондон, Т. Манн, С. Мюзе – далеко не полный перечень его литературных пристрастий из числа западных писателей. Но предмет его особой любви – русская литература, особенно классическая. Он называет ее величайшей из литератур, видя ее величие в том, что она сознательно стремилась раскрыть суть жизни, ее разновекторность, выявив в явной форме глубины и движущие пружины бытия. Ее, отмечает философ, не устраивало скольжение по поверхности, не удовлетворяли отдельные наблюдения. Толстому, Достоевскому, Гончарову, Тургеневу необходима была сущность, необходимо было целое. Меньше чем на главное они не были согласны.

Талантливая, искренняя, правдивая (такими эпитетами награждает русскую литературу философ) литература эта не менее близка и современна, чем многие произведения современной литературы, ибо она о сути жизни, об основном в человеке. Оценки прочитанных философом произведений – в первую очередь оценки философа. В этой связи интересно его отношение к роману Гончарова «Обломов»: «Он понят лишь с одной стороны – со стороны обломовщины как социального явления, а личность Обломова как объекта любви окружающих его людей осталась вне поля зрения. У него нет того, на что направить мысль, намерения. В этом виден человек, хотящий жить по большому счету. Антиобыватель. Весьма характерно для ценностной ориентации Обломова: он будущим мерит настоящее, не живет сегодняшним днем, а подходит к ценностям с точки зрения будущего. Временное мышление у Обломова».

Не менее интересна оценка им романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: «Какое разительное моделирование истории, того, что обычно охватывает столетия. Связь времен, связь эпох – живое единство рода человеческого, единство, цельность исторического процесса. В этом гуманизм книги». Неоднозначно отношение философа к творчеству Ф.М. Достоевского. То он кажется ему нудным, мелким и даже мелочным, несмотря на всю его репутацию «певца глубин души», то он говорит о сильнейшем впечатлении от прочтения его романов, в частности «Братьев Карамазовых». С точки зрения Аскина, человек Достоевского – человек, не осознающий феномена своего «Я» – неожиданность собственных действий для самого себя, способность к поступкам, которых совершенно не предвидишь, о совершеннии которых не думалось раньше. И снова, будучи философом, главной темой которого было Время, он видит особенность Достоевского-писателя в том, что у него очень развито чувство длительности времени. Минута для него – целый срок, а две минуты – очень долго.

Творчество Б. Пастернака философ воспринимает как гимн повседневности, радости, обычной, бытовой жизни. В целом же он воспринимает любую талантливую книгу не как объект для критических высказываний, а как благодарный читатель, получающий удовольствие от встречи с подлинной литературой, которая помогает человеку нравственно совершенствоваться, осмысливать собственную жизнь. Встреча с хорошей книгой, по мнению философа, – это праздник, событие.

Еще одна грань богатой, насыщенной жизни ученого – его педагогическая деятельность. Он не оставил каких-то специальных трудов по педагогике, учебников по философии, но сохранился его богатый архив, в котором есть тексты лекций, прочитанных им студентам и аспирантам, наброски статей. Остались в памяти его выступления перед коллегами на заседаниях кафедры и городском семинаре, личные беседы, позволяющие



охарактеризовать его взгляды на образование в целом и место в нем общественных дисциплин, прежде всего философии. Не стоит забывать, что творческая деятельность Якова Фомича пришлась на годы самой жесточайшей идеологизации образования, того периода в истории отечественной философии, когда она была, по сути, превращена в служанку политики. В частности, преподавание ее, как и других общественных наук, с необходимостью предполагало изучение партийных документов. Как и большинство других, Аскин вынужден был следовать «правилам игры». Но и в этой непростой ситуации он сумел сохранить в преподавании дух подлинной философии. Раздвигая жесткие рамки существующей идеологии, он не впал в крайность, свойственную многим философам 70–80-х годов, которые находили свою нишу в философских вопросах конкретных наук. Возражая им и, очевидно, разрешая собственные сомнения, философ замечает: «А может, философия должна быть методологией?» и сам отвечает: «Нет! Для нее фундаментальны проблемы онтологии, гносеологии с их категориальным аппаратом, которые всегда были, есть в различных философских школах и всегда будут. И работы, написанные по этим фундаментальным проблемам, с какой бы то ни было позиции, сохраняют и сохраняют свою познавательную значимость». Гносеологизация области вопросов естествознания, самого, казалось бы, «нечеловеческого» раздела философии – хорошая подготовка к тому синтезу, который должен выразиться в объединении всей философии как системы с желаемым для нее результатом. Обсуждению места человека в мире, смысла человеческого бытия, того, что может дать и должна дать только философия, необходимо подчинить изыскания в области общих законов мироздания.

Смысл реформирования образования, начало которому положила перестройка 90-х годов, он видел в повышении профессионализма преподавателей, преодолении догматизма мышления, так свойственного идеологам советского периода в нашей истории. Выявившиеся со всей щемящей душой очевидностью ошибки и трагедии в истории советского общества не могли остаться без внимания философа. И он в статье «Проблема человека и новое мышление» («Человек – философия – наука». М., 1988) ставит вопрос о месте и роли марксистско-ленинской идеологии – теоретического базиса всей государственной политики, хозяйственной деятельности, научного и художественного творчества – об ответственности этого учения в целом и обществоведов-преподавателей в частности за допущенные тягчайшие ошибки. Догматизм, робость мысли, привычка к конформизму, недостаточная компетентность – именно эти качества позволили власти держать в узде преподавателей, научных работников, обществоведческую мысль. Но главный недостаток ему видится в отстраненности общественных

наук от проблем, касающихся социальной проблематики. Философ ратует за такое мышление в науке, которое включает в себя новый подход к определению науки в общественной деятельности, в социальном направлении, утверждает знание как основу принятия экономических и политических решений. Только в этом случае экономика перестанет быть жертвой и заложницей идеологических установок и политических интересов. Освобождение от ненужной идеологизации может вернуть доверие нации к науке.

Говоря о социальных функциях обществознания, Аскин подчеркивает, что нельзя сводить его роль только к политике в управленческой деятельности. Важна также просветительская роль, даже проповедническая. Понятно, что речь идет о проповеди реальных духовных ценностей. И здесь важна роль философии, которая является главной разработчицей гуманитарных ценностей, а следовательно, ответственной за душевное здоровье нации. В одной из своих лекций для студентов он говорил о необходимости вступать в диалог со сторонниками альтернативных течений, в частности религии. Изменение отношения к последней он считает убедительным показателем плюрализма мнений как реальности современного общества. Участие представителей религии в политической жизни страны, встречи с ними – все это полезно и способствует укреплению демократии. Это вовсе не означает, что атеисты должны стать верующими и прекратить свою просветительскую работу. Но кто пострадает от того, спрашивает философ, что в религиозных проповедях будут внушаться идеи любви человека к человеку, милосердия, неприятия распутной и нетрезвой жизни, будет оказываться благотворительная помощь нуждающимся в ней?

Требования, предъявляемые философом к общественным наукам, реализуются им в преподавательской деятельности. Читаемые Яковым Фомичом лекционные курсы отличались исключительной информативностью, глубиной, актуальностью поднимаемых им философских проблем. Следуя принципу профильного преподавания, он сближает проблемные поля философии и конкретных наук, в зависимости от того, к кому обращена данная лекция (а читал он их и на физическом факультете, и на механико-математическом, и на историческом). Профильное преподавание в его понимании – это, прежде всего, обращение к методологическим вопросам науки, а также подбор соответствующего иллюстративного материала, отражающего специфику данного факультета. Насколько серьезно Яков Фомич относился к профильному преподаванию говорит тот факт, что он, уже будучи философом, окончил вечернее отделение физического факультета и посещал лекции на механико-математическом. В течение всех лет работы в университете он поддерживал контакты с кафедрами как естественных, так и гуманитарных факультетов. Последние годы он



отдавал предпочтение работе на филологическом факультете, возможно, потому, что вплотную занялся проблемами творчества и культуры. Здесь и проявились его эрудиция, знание мировой литературы. Студенты поражались его умению «увязывать» философские вопросы с методологическими проблемами литературоведения и языкознания, показывать вплетенность философии в них. А литература и искусство часто становились тем эмпирическим базисом, на котором он выстраивал здание теории. Своя, оригинальная трактовка тех или иных литературных героев, в целом творчества того или иного писателя или поэта, собственное видение произведений придавали его лекциям проблемную насыщенность и тем самым формировали исследовательский интерес у слушателей, постигающих на живом примере искусство интерпретации. Такой подход фактически предварял ту установку, на которую ориентировано образование сегодня – учить учиться, формировать ум, хорошо устроенный, а не хорошо заполненный. Применительно к философии это означает учить философствовать, а не философии. В одной из лекций для аспирантов он говорил, что для ученика, студента умение приобретать знания – даже больше, чем сами знания. Следует культивировать ум. Философ должен философствовать. Следовательно, преподавание философии не может быть простым информированием. Главное, чтобы молодые люди, прослушав курс философии, умели мыслить, знали, во что верить, на какую иерархию ценностей опираться. Естественно, подчеркивал он, что философия не может и не должна предлагать готовые рецепты, но она позволяет разумно формулировать вопросы и видеть те критерии, опираясь на которые следует искать ответы на эти вопросы.

Имея дело с молодежной аудиторией, необходимо обращаться к волнующим ее проблемам. Культивируя дух свободного обсуждения, дух критики, он пишет, что важно и ценно поддерживать учеников, которые говорят нечто такое, что ты сам не говорил. Надо учиться у молодых, учиться всерьез. Фактически, это идея педагогики сотрудничества, основанной на субъект-субъектных отношениях, отношениях партнерства, когда учитель видит в ученике не послушного робота, а творчески мыслящую личность.

Яков Фомич читал самые разные лекционные курсы: курс общей философии, историю философии, логику. Интересна сама методика работы философа над учебными курсами. Каждой теме, как показывает его архив, отведена отдельная папка. В ней содержится первичный текст и новый. Множество вклеек, вставок, заметок на полях. Переработка первичного текста идет за счет появляющейся новой монографической и периодической литературы, собственных научных работ. Такое большое внимание философ уделял переработке текстов лекций в силу убеждения, что лекция должна быть интересна своей новизной.

Новизна эта теоретическая – то, что студенты не узнают вне лекций, но новизна есть и фактический материал. Оперативность лекций – важное преимущество перед учебником. Лекция, убежден философ, должна быть обязательно научной. История философии свидетельствует, что великие философы свои научные взгляды выражали в форме лекций. Будучи заведующим кафедрой, он требовал от своих коллег качественных текстов, ввел в практику обсуждение текстов на заседаниях кафедр. Лучшие из них отбирались в так называемый золотой фонд кафедры. Обосновывая необходимость иметь текст, Аскин говорил, что нельзя все держать в памяти и полагаться лишь на импровизацию. Последняя может присутствовать в лекции, и если она удачна, удачен тот или иной логический переход, следует это записать и доработать. Неожиданные, нечаянные мысли (вдруг подумалось), являющиеся новыми для тебя самого, требуют в дальнейшем обдумывания. И этот момент особенно ценен в лекции. Он позволяет испытывать удовольствие от того, что говоришь, что имеешь возможность излагать собственные мысли. Философ был убежден, что лекционная форма позволяет не только дать систематическое изложение курса, но и выработать собственную концепцию. В лекции многое раскрывается самому лектору, меняется, уясняется понимание многих вопросов. Результативность преподавания, был убежден философ, напрямую связана с индивидуальностью педагога, его умением формулировать личностный интерес. Здесь не последнюю роль играет личное знакомство студентов с публикациями, научными достижениями самого лектора, который может и должен использовать их, создавая свой лекционный курс. Роль живого слова незаменима при усвоении материала.

Лекции Якова Фомича отвечали его собственным требованиям и принципам. Одно из таких требований, предъявляемых к преподаванию философии, – следить за точным смыслом понятий, тщательно их анализировать, и анализ этот следует начинать с соотношения философских понятий с понятиями обиходного языка и частных наук. Учебные пособия, написанные Аскиным для студентов («Движение – форма существования материи», «Философский детерминизм»), дают замечательный пример такой работы. Выстраивание семантических рядов, раскрывающих смысл того или иного понятия, способствует, с его точки зрения, более глубокому усвоению философских дефиниций. Аскин явно следует идеалам научной рациональности. Об этом свидетельствует его стремление рационально обосновать излагаемый материал, классифицировать, дифференцировать, выявить необходимые связи. Под логикой изложения он имел в виду не только логичность отдельно взятой лекции, речь шла и о внутренней логике всего читаемого курса. Для лекций по философии важна аргументация. Он отдает предпочтение логической аргументации – она более всего дис-



циплинирует мышление, прививает вкус к методологической рефлексии.

Особое внимание как лектор Аскин уделял доходчивости лекций. Последняя достигалась, в частности, путем обращения к иллюстративному материалу из истории науки, а также к художественной и публицистической литературе. Момент этот особенно важен в преподавании на факультетах естественных наук, поскольку студентам этих факультетов более свойственно целерациональное отношение к миру, нежели ценностно-рациональное, без которого современный человек может превратиться в бездушного функционера. Поэтому очень важно показать, что «не все поддается исчислению по логарифмической линейке», – цитирует он Достоевского.

Интересны соображения философа относительно принципа проблемности в преподавании философии. С его точки зрения, говорить о проблемности как о особом принципе преподавания применительно к философии не имеет смысла, так как вся эта наука состоит из вечных проблем, необходимо включает в себя нерешенные вопросы. Однако можно понимать проблемность как раскрытие лишь некоторых философских проблем, объединенных в целостный блок в рамках определенной темы. Фактически, он говорит о чтении спецкурсов, настойчиво подчеркивая, что курс систематической философии должен быть целостным, а не распадаться на отдельные проблемы, вырванные из этой целостности в силу пристрастий читающего лектора.

Одна из идей Якова Фомича – снять барьеры между разными областями знаний – получила реализацию как в научной, так и педагогической деятельности философа. Доказательством служит не только прочитанный им курс лекций по философии, но и упомянутые ранее 10 выпусков «Методологических вопросов науки» – существенный вклад в поиск и выявление междисциплинарных связей, без которых трудно представить науку и преподавание сегодня.

Большое место в размышлениях Якова Фомича занимают проблемы, которые условно можно назвать следующим образом: как стать ученым и хорошим преподавателем? Как совместить эти виды деятельности? Исходная позиция ученого – гуманистическая: «Человек – начало всех начал, главная ценность в мире», поэтому философия, настойчиво подчеркивает он, должна быть философией человека. Этой установкой ему близок А.С. Макаренко. Он пишет в своих записях, что сущность Макаренко не в системе, а в ненависти ко всем системам и в горячей любви к человеку,

в вере в него, в неутомимой готовности помочь ему стать человеком. Начиная свой исследовательский путь он внушает мысль, что к успеху ведет трудолюбие. Непрерывное усилие должно быть нормой жизни, естественным, привычным способом существования. И своеобразная памятка для молодых ученых:

1) Писать нужно то, что самому интересно.

Дело, к которому не лежит душа, как бревно, лежит поперек пути. Само не делается и препятствует делаться другим нужным делам.

2) Работать в той же области, над той же проблематикой, надстраивая этаж над этажом, на одном и том же фундаменте; это эффективнее, чем строить новые постройки рядом, копая новые котлованы и укладывая новые фундаменты; быть многоэтажным домом, а не несколькими одноэтажными домиками.

3) В науке надо придумывать (я настаиваю на этом слове).

4) Быть самостоятельным: лучше отколоть хотя бы маленький кусочек от скалы непознанного своими руками, чем подбирать куски, уже отколотые другими.

5) Знать историю философии, прежде всего античной, так как Рим и Эллада выработали тот язык, на котором говорит цивилизация. Знание философских источников необходимо и для того, чтобы иметь перед глазами эталон, к чему следует стремиться, чему должны соответствовать твои работы.

6) Научная и педагогическая деятельность должна дополнять друг друга, взаимопроникать, поддерживая друг друга.

Осведомленность о последних достижениях философской мысли и наличие собственных оригинальных идей – непереносимое условие деятельности вузовского преподавателя. Знакомясь с «педагогическими уроками» Якова Фомича, можно сделать однозначный вывод: основные принципы, на которые он опирался в преподавании, вполне отвечают духу, целям и требованиям современного образования – учить мыслить, давать представление о фундаментальных мировоззренческих проблемах, показывать единство научного знания, формировать целостную картину мира, развивать в учениках способность к проблемному видению. Примечательно высказывание философа: сделать людей счастливыми означает сделать их богатыми и образованными. Причем вначале их надо сделать образованными, а потом богатыми. Эта мысль была высказана задолго до того, как она стала главным лозунгом сегодняшней образовательной политики.



ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Я.Ф. АСКИНА

1. Время и вечность // *Вопр. философии*. – 1963. – № 6. – С. 53–62.
2. О месте философских вопросов естествознания // *Там же*. – № 4. – С. 108–110.
3. Проблема необратимости времени // *Там же*. – № 12. – С. 87–98.
4. К обоснованию идеи вечности Вселенной // *Философские проблемы теории тяготения Эйнштейна и релятивистской космологии*. – Киев, 1965. – С. 58–71.
5. Проблема времени. Ее философское истолкование. – М.: Мысль, 1966. – 200 с.
6. El Problema del Tiempo. Su interpretacion filosofica. – Montevideo, 1968. – 238 p.
7. O probleme do Tempo: Sua interpretacao. – Rio de Janeiro, 1969. – 220 p.
8. Бесконечность Вселенной во времени // *Бесконечность и Вселенная*. – М., 1969. – С. 158–167.
9. The problem of time in modern physics and philosophic interpretation // *Abstracts. 4-th International Congress for Logic, Methodology and Philosophy of Science*. – Bucharest, 1971. – P. 227.
10. Über die grundlegenden Existenzformen der Materie // *Friedrich Engels und moderne Probleme der Philosophie des Marxismus: eine Gemeinschaftsarbeit deutscher und sowjetischer Philosophen*. – Berlin, 1971. – S. 330–347.
11. Движение – форма существования материи: Пособие по диалектическому материализму. – Саратов, 1971. – 72 с.
12. Направление времени и временная структура процессов // *Пространство, время, движение*. – М., 1971. – С. 56–79.
13. Принципы в системе философского знания // *Принцип развития*. – Саратов, 1972. – С. 3–22.
14. Методологические вопросы науки: Межвуз. науч. сб. / Отв. ред. Я.Ф. Аскин – Саратов, 1972. – Вып. 1 – 176 с.
15. Принцип развития: Сб.ст. / Под ред. Я.Ф. Аскина. – Саратов, 1972. – 295 с.
16. О видах детерминации // *Логика и методология науки. Философские вопросы естествознания: Тез. докл. на XV Всемир. конгрессе философов*. – М., 1973. – С. 190–194.
17. Философский детерминизм и современная наука // *Философские науки*. – 1973, – № 2. – С. 159–161.
18. A vilagegyetam idobeli vegtelensege // *Vegtelenesge es vilagegyetam*. – Budapest, 1974. – L. 175–186.
19. Анализ системы научного знания // *Вопр. философии*. – 1974. – № 8. – С. 165–166.
20. К характеристике философского учения о детерминизме // *Методологические вопросы науки*. – Саратов, 1974. – С. 3–19.
21. Категория будущего и принципы ее воплощения в искусстве // *Ритм, пространство и время в литературе и искусстве*. – Л., 1974. – С. 63–73.
22. Sur la direction du temps // *5 congress international de logique methodologie et philosophie des sciences. Memoires soumis*. – L.; Ontario, 1975. – P. 7–8.
23. Комплексный подход к решению философских вопросов естествознания // *Философские науки*. – 1975. – № 5. – С. 176–178 (Соавторы Складов Ю.А., Соломонова Л.А.).
24. Детерминизм, развитие, время // *Философские основания естественных наук*. – М., 1976. – С. 341–357.
25. The philosophie Concept of Time // *Time and the Philosophies*. – P., 1977. – P. 127–139.
26. Философский детерминизм и научное познание. – М., 1977. – 188 с.
27. Le concept philosophie de temps // *le temps et les philosophies*. – P., 1978. – P. 127–138.
28. Принцип детерминизма в научном познании // *Актуальные проблемы детерминизма: Материалы Всесоюз. науч. конф. (Тбилиси, 25–26 сент. 1980 г.)*. – Тбилиси, 1980. – С. 13–14.
29. Принцип единства мира: многообразие аспектов // *Принцип единства*. – Саратов, 1980. – С. 3–30.
30. Философские категории и единство научного знания // *Проблемы взаимодействия наук*. – Ульяновск, 1983. – С. 8–12.
31. Категория творчества и проблема детерминации // *Социальное знание: логико-методологический анализ*. – Саратов, 1987. – С. 21–32.
32. О многообразии связей социального и природного // *Общество и природа: Вопросы методологии*. – Саратов, 1987. – С. 3–17.
33. Время и творчество // *Пространство и время в искусстве*. – Л., 1988. – С. 12–21.
34. Проблема человека и новое мышление // *Человек – философия – наука*. – М., 1988. – С. 14–15.
35. Глобальные проблемы современности и новое мышление // *Социально-философские аспекты глобальных проблем*. – Саратов, 1990. – С. 3–7.
36. Новое мышление в философии // *Актуальные вопросы методологии и методики общественных наук*. – Саратов, 1990. – С. 4–14.
37. К вопросу о диалектике переходного периода // *Методологические вопросы переходного состояния экономики*. – Саратов, 1991. – С. 3–13.
38. Атрибутивный характер творчества // *Творчество как онтологическая проблема*. – Пермь, 1992. – С. 9–11 (Соавтор Борисова Т.Н.)
39. Классическое философское наследие и общечеловеческие ценности // *Новое мышление и проблемы преподавания социально-гуманитарных наук*. – Минск, 1992. – С. 11–12.
40. Культура и творчество // *Духовное обновление общества: В 2 ч.* – Волгоград, 1992. – Ч. 2. – С. 217–219.
41. Творчество как элемент духовной жизни и социальной детерминизм // *Интеллигенция и либерализм в России*. – Саратов, 1995. – С. 5–8.



ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ТРУДОВ ФИЛОСОФА

Я.Ф. Аскин

Соотношение модусов социального времени в историческом бытии (1996)

Если подходить с субстанциональной точки зрения на время, то эта проблема не вызывает затруднений. Время, будучи самостоятельным процессом, имеет разные этапы, как и всякий процесс, и это делает прошлое, настоящее и будущее равнопорядковыми по своему бытийному статусу. Здесь только надо отделить время от вечности: изменяющееся от неизменного, преходящее от постоянно пребывающего.

Однако с точки зрения понимания времени как атрибута субстанции, как формы существования материи и духовной жизни возникают проблемы реальности прошлого и будущего. Реальность не может быть сведена к мигу сегодняшнего, сиюминутного существования. Конечно, течение времени есть движение настоящего по бытию развивающегося мира, но оно оставляет позади себя не пустоту, а историю, зафиксированную в разных сферах бытия определенным образом. Здесь важную роль играет культура как накопление материальных и духовных результатов деятельности.

Существует ли в мире одно время или можно говорить о его модификациях, в частности о социальном времени?

Фактически вопрос решен, ибо употребляются соответствующие понятия: психологическое время, социальное время, историческое время, биологическое время, геологическое время, художественное время и другие, которые отличаются от времени вообще, традиционно отождествлявшегося с временем в его **физической** характеристике. Заметим, что сравнительно новым аргументом в пользу многообразия времен является широкое употребление понятий «социальное пространство», «экономическое пространство», «правовое пространство», «культурное пространство» и др. Необходимо уяснить, что коль мы употребляем последние понятия, то должны употреблять и соответствующие понятия времени, так как общая связь пространства и времени, установленная в физике (4-х мерное пространство-время теории относительности), должна проявляться и в других сферах бытия и, соответственно, других науках. Это говорится с учетом того, что физическое время, максимальное по широте охвата, остается базовым для всех других видов времени, хотя последние содержат специфические черты, обусловленные многообразием практики и научным познанием.

Появление данных – **интересный пример расширения категориально-понятийного аппарата науки и философии.**

Имеются возражения против этих категорий (была статья Р.А. Аронова). Утверждается, что время и пространство существуют реально в своих физических характеристиках, и именно они проявляются в различных формах движения, на различных уровнях бытия. Конечно, общество, человек, культура и т.д. существуют в рамках физической природы, они определенным образом включены в нее, и свойства последней не могут не учитываться в качестве естественной, природной базы всех иных процессов и состояний. Но на высших уровнях бытия появляются специальные **свойства**, не сводимые к физическим природным характеристикам.

Развитие науки, таким образом, находит свое выражение в появлении новых научных понятий и обогащении философских категорий.

Для характеристики социального времени важной проблематикой является исследование не только времени производственной деятельности, но и нерабочего времени, в котором выделяется свободное время – время досуга. Здесь немало аспектов, существенно влияющих, наряду с проблемами производственного времени, на личностные характеристики человека, характеристики социальных групп.

Специфичным для социального времени является взаимодействие объективного и субъективного моментов. Социальное время непосредственно связано с историческим, психологическим и культурным временем при их нетождественности. Последнее выражается в том, что историческое время берет лишь асинхронный аспект общества, а социальное время – оба аспекта. Психологическое время акцентирует внимание на восприятии времени и его воспроизводстве в психической жизни человека, в сознании социальных групп, в индивидуальной жизнедеятельности. Культурное время рассматривает временные аспекты культуры как способа и формы человеческой деятельности, а социальное время берет деятельность человека и социальных групп и как таковую, и с точки зрения ее способов, форм, материальных и духовных результатов. Познание человеком времени начинается с его объективного восприятия, что показывают работы по детской психологии. Но это имеет значение на всех возрастных этапах жизни человека.

Своими особенностями отличаются и способы фиксации прошлого социального времени, и многомерность социального настоящего, и то, в чем именно воплощается социальное будущее.



Ни один из модусов социального времени не может быть утерян, иначе разрушится само бытие общества и цельность человеческой жизни. Однако в различных цивилизациях, типах культур, формах общества и на разных этапах развития их ценность выступает неоднородной, неодинаковой. В сущности, такая неодинаковость в оценке модусов времени составляет одно из важнейших отличий разных эпох, социальных систем и тем самым самих типов социального времени.

Но основным все-таки должно быть – и очень часто им не является, к сожалению, – внимание к настоящему, которое представляет собой центральный модус времени, когда осуществляется переход возможности в действительность. Это очень важно и лично, для характеристики человеческого «Я», бытия человека. Нередко человек живет прошлыми воспоминаниями, сожалениями о потерях, имеющихся в прошлом, думами о возможностях, которые никогда уже не реализуются, так как условия их реализации миновали. Говоря словами из пьесы М. Горького «На дне», он едет в карете прошлого, в которой никуда не уедешь... Разумная память о прошлом превращается здесь в гипертрофированную, в своего рода жизнь в прошлом. Вряд ли можно согласиться с фрейдизмом, хотя что-то для понимания патологий психоанализ и дает.

Нередко же человек живет лишь планами, надеждами, грезами о том, что должно, по его мнению, произойти. Перспектива, наличие не только непосредственных, но и отдаленных целей – свидетельство более высокого психического типа личности по сравнению с человеком, лишенным, в сущности, будущего, этого важного компонента личностного времени. Об этом речь идет в типологии личности, предложенной русским психологом А.Ф. Лазурским. Но здесь нужна определенная мера. Жить без надежды нельзя, но и нельзя жить только в будущем, при этом человек живет либо верой в приобретения, либо

удрученный горестями, которые, как он полагает, ожидают его в будущем.

Важно все-таки, прежде всего, жить в настоящем, хотя это и трудно сделать. И обществу, и человеку. Об этом говорили давно, в частности, Эпикур: «Кому не кажется самым блестящим то, чем он располагает, тот, будь он владыкой всего мира, все же несчастен».

Важен деятельностный подход к жизни. Ведь деятельность связана именно с настоящим. Настоящее, его размеры определяются длительностью того действия, того деяния, которое берется в качестве наличного. Диапазон здесь весьма широк: от эпохи, поколения до событий, измеряемых часами, минутами и даже мельчайшими долями секунд (события в микромире). Включенность в определенный акт деятельности, который характеризует настоящее, дает возможность пребывать именно в последнем, осознавая это пребывание. Человек в акции, акте, действии, поглощенный им, – это человек в настоящем.

Таким образом, здесь может быть полезен деятельностный подход. Созерцательное, инертное бытие не позволяет жить в настоящем.

Этот подход важен и в индивидуально-психологическом и социальном плане – как для человека, так и для социальной группы, народа, общества в целом.

Жить, прежде всего, в настоящем, не обрывая при этом нитей, связывающих носителя времени (личности, социума) с прошлым и будущим, трудно, но именно это – одно из важнейших условий полноценной жизни личности и общественной системы.

При этом настоящее не может ограничиваться только преходящим, сиюминутным, оно должно быть наполнено глубоким смыслом. Необходимо учитывать связь времени и вечности. Нельзя ограничиться погруженностью лишь в «суету сует» повседневной жизни. Настоящее надо брать в его размерности с учетом единства феноменальной и сущностной сфер.

РАЗДУМЬЯ ФИЛОСОФА О БЫТИИ (на основе дневниковых записей)

Записные книжки – совершенно особый жанр творческой деятельности. Это автопортрет человеческой души вне зависимости от того, какого рода сведения хранятся в них. Здесь невозможны ложь и конъюнктурщина, ибо дневниковые записи адресованы самому себе. Это особый мир, раскрывающий нам многие стороны личности философа в гораздо большей степени, чем статьи и рассказы о нем. В своих повседневных спутниках ученый, высказывая мысли и чувства от прочитанного, увиденного, пережитого, по-философски, нередко афористично, иногда с присущим ему чувством юмора отражает восприятие жизни. По признанию

самого Якова Фомича, в дневниках выражается потребность фиксировать свое бытие, оставлять «письменный след».

В дневниковых записях философ предстает не как ученый академического направления в философии, автор четких формулировок, логических рассуждений, а как человек, напряженно размышляющий об экзистенциальных проблемах – бытие как жизнь, жизнь и смерть, проблема счастья, смысл существования, конечность жизни, а самое главное – человек как самое непонятное, самое таинственное существо для самого себя: почему я поступаю так или иначе, почему я этого не делаю, «сплошь и рядом сие либо вовсе непо-



нятно для самого «Я», либо получает объяснение лишь задним числом».

Можно говорить только о философском прикосновении Аскина к загадке «Я» (для научной разработки этой проблемы, очевидно, просто не хватило времени). Но интересен сам подход, намеченный лишь пунктиром. В частности, это касается многочисленных выписок из философских трудов с комментариями самого Якова Фомича, из произведений классической литературы, тех, которые «задевали» его и наиболее полно отвечали психологическим и рефлексивным структурам его личности, человека, пытающегося разгадать загадку собственного «Я»: «Какими-то проблемами, моментами возникает ощущение, будто бы приближаешься к улавливанию чего-то тайного, заглядывания в трансцендентное, как в бездонный колодезь, куда заглядывать – ум кружится, смещается видение бытия и куда можно, видимо, и упасть, если не побережешься, если не поддержать разумом рассудок». Самый фундаментальный вопрос, полагает философ, чем движем человек? Это и есть вопрос сопричастности к загадке всего его бытия. Так он выходит на проблему смысла человеческого существования. Есть ли смысл в моем существовании и правомерна ли сама постановка вопроса о смысле жизни? На этот вопрос он отвечает утвердительно и опять же, отгалкиваясь от проблемы времени.

Вопрос о смысле жизни телеономный, связанный с задаваемыми целями, а цель – нечто конечное. Конец же жизни всякого – смерть. Выходит, что смерть есть конечное понятие жизни, и к ней мы приходим, когда начинаем говорить о смысле жизни. Так стоит ли говорить об этом вообще? Данное рассуждение, по мнению философа, использует факт бесспорный – факт смертности человека. Но вывод отсюда делается неверный. Такое рассуждение исходит из убеждения, что смысл может иметь лишь нечто вечное. Это то самое неверное убеждение, которое лежит в основе полудетских слов Лермонтова: «На время не стоит труда, а вечно любить невозможно». Почему не стоит на время, спрашивает философ? Да, жизнь конечна. Но все конечно. Бесконечно лишь единство конечных тел, процессов, состояний. Конечность, временность еще не означают никоим образом бессмысленность. Жизнь имеет смысл, разумеется, на тот период, когда она есть, а когда она прекратится, тогда этого смысла не будет. Но пока она есть, есть и ее смысл. Смысл этот имеет повседневное существование и его надо искать не в отношении к чему-то вечному, а в отношении к конкретным условиям данного, твоего существования. Цель жизни следует ставить не абстрактно, а в виде конкретных целей. Таким путем философ приходит к выводу, что смысл жизни – в максимальном выражении личности, в удовлетворении ее эмоциональных, духовных, интеллектуальных и материальных потребностей. Осознание своей личности, ее запросов, формирование целей, их

достижение и успех – реальные пути существования. Как важны эти слова сегодня, когда в обмен на некоторую комфортность существования, как заметил известный режиссер Павел Лунгин, отняли смысл жизни. А жить ради вещей Россия не приучена, поэтому люди отчаянно ищут, откуда мы, кто такие и куда идем, зачем существуем? И голос философа органично вплетается в этот поиск, внося в него жизнеутверждающую ноту.

Философ сетует на то, что так мучительно не хватает понимания ценности жизни и уникальности существования других и самого себя. Вступая в полемику с поэтом В. Солоухиным, опубликовавшим нашумевшую в 70-е годы книгу «Приговор», Аскин замечает, что смерть выступает у него как то, что лишает его радостей бытия, отнимает у него мир. А где же мысль о том, что остаются на земле люди, которым ты нужен, что смерть твоя беда для них. А ведь главная тоска вызвана непониманием прекращения существования, а тем, что остаются люди, которым ты нужен. Осознание этого – главное в смертной тоске.

Долгие годы знакомства с Яковом Фомичом, его родными позволяют понять глубоко личностный характер приведенного высказывания. Он очень любил своих родителей. Об этом говорят его письма к родным, полные любви и нежности. С их уходом, признается Яков Фомич, в его жизни образовалась пустота, которая никогда не будет заполнена. В день смерти матери, 9 августа 1958 года, он делает запись: «Прощай, родная, хорошая мамочка, прощай, трудолюбивая, добрый, умный человек. Ты никому, ни одному человеку не сделала зла, а только добро». И другая запись: «Благословенна родительская и сыновья любовь! Достоин жалости и презрения человек, забывший о ней, изменивший ей».

Особого внимания заслуживает его отношение к жене – Полине Ивановне Садчиковой. Кстати, именно ей мы обязаны тем, что жизнь философа оказалась навсегда связанной с нашим городом: он приехал к ней, когда она после окончания факультета Московского государственного университета по распределению оказалась в Вольске. Больше всего, словно предчувствуя, он боялся «уйти» первым. В разговорах с коллегами, которым он доверял, считая их своими друзьями, он постоянно возвращался к этой теме и просил, если с ним что-то случится, не оставлять его супругу своим вниманием (Полина Ивановна пережила его на пять лет, и коллеги Якова Фомича выполнили его просьбу). Жизнь не подарила Якову Фомичу детей, и поэтому всю свою любовь он обратил на близких и дорогих его сердцу друзей и учеников. Очень трудно провести грань, где заканчивалась его профессиональная деятельность и начиналась личная жизнь.

Внимательное прочтение дневниковых записей философа позволяет увидеть рост его собственной души, становление неординарной личности, его поиски себя, мучительные раздумья



о вечных проблемах добра и зла, о своем месте в жизни: что ты внес в нее нового. Как же сам Аскин оценивает собственную жизнь? «У меня есть основания быть довольным собой. Глубокое удовлетворение доставляет то, что планы, тобой

разработанные, осуществляются. Превращать возможное в действительность, но главное – находиться в мире с самим собой, не сетовать на себя. Какое это блаженство! Как приятно это ощущать», – заключает философ.

АФОРИЗМЫ АСКИНА «Я – ВЕСЕЛЫЙ АНТРОПОИД»

*Тратьте время без опаски –
Вам его добавит Аскин.*

Из телеграммы Я.Ф. Аскина
Б.М. Кедрову к его 75-летию

- Чем рассердиться, лучше рассмеяться.
- В каждом человеке кто-то сидит. В одном – дьявол, в другом – бес, в третьем – ещё кто-нибудь. Счастлив человек, в котором сидит он сам.
- Неудачи делают человека печальнее, а печальный человек – серьёзен... Следует стараться быть умным.
- Год Барана (1991) – год Обезьяны (1992). Обезьяна умнее барана. Эта смена – шаг к человеку.
- Есть люди, как синхрофазотроны.
- Развиваться отростками.
- Предвидение на три часа.
- «Степениха» – слово для обозначения женщины, имеющей учёную степень.
- «Гибридное» мышление плодотворно.
- Ожидание в коридорах. Кто сказал: коридоры власти? Коридоры ожидания.
- С бюрократами надо считаться, как с дождливой погодой. Если одеться соответствующим образом, то можно избежать опасности быть намоченным дождём. Причём это единственный способ избежать этой опасности (коль уж хочешь или надобно идти по улице).
- Лучше быть идиотом, чем лысым: не так заметно.

- Сочи – это Россия под пальмами.
- Жалок удел оставшегося не у дел.
- Закон сохранения неприятностей.
- Шуба, опороченная (отороченная) мехом.
- Снег. Крупные хлопья, как плевки небожителей.
- Фанфары весны – мартовские коты.
- Звонок будильника – это время звонит тебе по телефону.
- Случай «растягивания» времени насыщенностью – бокс.
- Всеобъемлющее **нет**: нет времени, нет денег, нет желания.
- Квартира – ежедневный санаторий.
- Таков жизненный путь: от личного дела до персональной пенсии...
- Приглядываться к старикам, как вчитываться в антиучебник: каким не быть.
- Надо учиться отдыхать у стариков и у кошек. У них надо учиться никуда не спешить.
- К прошлому своему надо относиться юбилейно...
- «Детский мир» – это не для магазина веска, а для земного шара.

И СЛОВО ЩЕДРОЕ ВЗРАСТЕТ...

ТВОРЧЕСТВО

Тугие ветра раскачали
Стволы березняка.
День впору начать сначала,
Выстраивая облака.

О где ты, раскованность в чувствах,
О где вы, потоки слов,
Которыми щедро искусство
Прежде, чем стать ремеслом...

ПОЭТ

Не из раскрытых книжных створок,
Не из расчерченных страниц
И не из умных разговоров
Поэт стихи свои гранит.

Не из лирических поветрий,
А из соседнего леска
Бери лоснящуюся ветку –
Зашелестит листвою строка.



о вечных проблемах добра и зла, о своем месте в жизни: что ты внес в нее нового. Как же сам Аскин оценивает собственную жизнь? «У меня есть основания быть довольным собой. Глубокое удовлетворение доставляет то, что планы, тобой

разработанные, осуществляются. Превращать возможное в действительность, но главное – находиться в мире с самим собой, не сетовать на себя. Какое это блаженство! Как приятно это ощущать», – заключает философ.

АФОРИЗМЫ АСКИНА «Я – ВЕСЕЛЫЙ АНТРОПОИД»

*Тратьте время без опаски –
Вам его добавит Аскин.*

Из телеграммы Я.Ф. Аскина
Б.М. Кедрову к его 75-летию

- Чем рассердиться, лучше рассмеяться.
- В каждом человеке кто-то сидит. В одном – дьявол, в другом – бес, в третьем – ещё кто-нибудь. Счастлив человек, в котором сидит он сам.
- Неудачи делают человека печальнее, а печальный человек – серьёзен... Следует стараться быть умным.
- Год Барана (1991) – год Обезьяны (1992). Обезьяна умнее барана. Эта смена – шаг к человеку.
- Есть люди, как синхрофазотроны.
- Развиваться отростками.
- Предвидение на три часа.
- «Степениха» – слово для обозначения женщины, имеющей учёную степень.
- «Гибридное» мышление плодотворно.
- Ожидание в коридорах. Кто сказал: коридоры власти? Коридоры ожидания.
- С бюрократами надо считаться, как с дождливой погодой. Если одеться соответствующим образом, то можно избежать опасности быть намоченным дождём. Причём это единственный способ избежать этой опасности (коль уж хочешь или надобно идти по улице).
- Лучше быть идиотом, чем лысым: не так заметно.

- Сочи – это Россия под пальмами.
- Жалок удел оставшегося не у дел.
- Закон сохранения неприятностей.
- Шуба, опороченная (отороченная) мехом.
- Снег. Крупные хлопья, как плевки небожителей.
- Фанфары весны – мартовские коты.
- Звонок будильника – это время звонит тебе по телефону.
- Случай «растягивания» времени насыщенностью – бокс.
- Всеобъемлющее **нет**: нет времени, нет денег, нет желания.
- Квартира – ежедневный санаторий.
- Таков жизненный путь: от личного дела до персональной пенсии...
- Приглядываться к старикам, как вчитываться в антиучебник: каким не быть.
- Надо учиться отдыхать у стариков и у кошек. У них надо учиться никуда не спешить.
- К прошлому своему надо относиться юбилейно...
- «Детский мир» – это не для магазина веска, а для земного шара.

И СЛОВО ЩЕДРОЕ ВЗРАСТЕТ...

ТВОРЧЕСТВО

Тугие ветра раскачали
Стволы березняка.
День впору начать сначала,
Выстраивая облака.

О где ты, раскованность в чувствах,
О где вы, потоки слов,
Которыми щедро искусство
Прежде, чем стать ремеслом...

ПОЭТ

Не из раскрытых книжных створок,
Не из расчерченных страниц
И не из умных разговоров
Поэт стихи свои гранит.

Не из лирических поветрий,
А из соседнего леска
Бери лоснящуюся ветку –
Зашелестит листвой строка.



* * *

Здесь так тихо было.
И вот сегодня
Звезды прорвали небо
И хлынули под небосвод...

* * *

Вот разом тухнут фонари.
Опять туман. Уже рассвет.
И в небесах едва парит
Плеяда гаснущих планет.

Проходит ночь, сереет мир.
Еще один Земли виток.
Еще один души бросок,
Как восхождение на Памир.

Заметным признаком зари
В свои права вступает день.
И новый мир в себе хранит
Тепло погаснувших планет.

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

...

Голову сжал ладонями,
Морщины на лоб ложись...
Нас прямо из детства погонями
Одарила суровая жизнь.

И мы держались в шинелях
Подстать ветеранам самим.
Над нами осколки пели –
Не думали мы: Аминь.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Ночь трудился дождик даром,
Воду лил, неутомим.
Снова яростным пожаром
Запылал под солнцем мир.

И не выдержав экзамен,
Мощь свою не доказав,
Смотрит карими глазами
Уходящая гроза.

ОСЕНЬ

Город, жёлтый город
Паутиной вышит.
Грустно шепчут хором
Влажные афиши.

Дождевой порошей
Небо опадает.
Поклонись, прохожий:
Лето отпевают.

* * *

Мне плевать на душную мглу,
На затвор в гробовых досках.
Я не верю, что я умру,
Что затихнет жизни тоска.

Может, тело не будет дышать,
Кем-то ворох костей зарыт...
Всё равно – век моя душа
Не закончит безумный порыв.

Уносимый сладостью горь,
Неуёмной душой моей
Я иду до высоких гор,
До прохладных синих морей.

* * *

Приемлю этот мудрый свет,
Он тем хорош, что он живет,
Со мной и для меня.
И что другого в мире нет,
А этот не умрет,
Покуда существую Я.

ПАМЯТНИКИ

...

Я нынче не мучусь нудной
Мыслью о смерти своей,
Но каждой вот этой минутой
Хочу, чтоб из жил и костей
До капли вобрала силы
Сегодняшних дней маяга
И, коль дойдёт до могилы,
Сам-камень над гибелью встал.



ВОСПОМИНАНИЯ КОЛЛЕГ И УЧЕНИКОВ

Вселенная философа

В.Б. УСТЬЯНЦЕВ

**доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой теоретической
и социальной философии
Саратовского государственного
университета**

Сегодня, на первых Аскинских чтениях в докладах и выступлениях часто будут звучать слова *талантливый, выдающийся, известный* ученый. Эти слова памяти, признания не могут раскрыть всей глубины деятельности и творчества академика Якова Фомича Аскина, оказавшего колоссальное влияние на развитие философской культуры Поволжского региона, ученого, широко известного среди философской общественности страны.

Величие человека в мире культуры пытаются осознать и раскрыть многие мыслители. Известный философ и историк Томас Карлейль силу духовного влияния выдающейся личности на своих современников выразил в разных образах, в том числе и образах пророка, проповедника, реформатора. Пророк – это человек, наделенный даром, данным свыше, угадывать будущее.

Аскин не был пророком, он не любил этого слова. Для него будущее не было объектом таинственных манипуляций временными образами, поражающими человеческий разум своей безграничностью. Будущее было рационалистически осмысленно ученым с позиций философской культуры своего времени. Концепция будущего и его детерминант, сформулированные философом, оказала влияние на современную теорию прогнозирования. Хотя в чисто человеческом плане его суждения, мысли о России, судьбах отечественной философии, новых смыслах человеческого существования часто оказывались пророческими.

Аскин не был проповедником – он не занимался проповедью философских знаний, а учил студентов размышлять о мире, месте человека в нем. Изумительная память, блестящая эрудиция и культура философского мышления делали его лекции образцами философской пропедевтики, а в числе слушателей можно было увидеть не только студентов, но и аспирантов, преподавателей, вольнослушателей.

Аскин не был реформатором в политическом смысле слова. Будучи долгие годы заведующим кафедрой философии Саратовского государственного университета, он принимал участие в реформах вузовского образования, но смысл реформирования видел в повышении профессионализма преподавателей, преодолении догматизма мышления и создании системы философского

образования, соответствующей философскому образованию в ведущих российских университетах. Он требовал академической образованности от своих учеников, многие из которых защитили докторские диссертации, успешно руководят кафедрами философии в вузах Саратова и других городов.

Высший смысл жизни Я.Ф. Аскин видел в философии, и его философия оказывалась жизненной, всегда открытой человеческому разуму. В вузах нашего города много талантливых философов-профессионалов, но для большинства из них философия остается профессией. Ремеслом. Для Аскина философия всегда была бытийственной. Его необъятная, пульсирующая духовная субстанция начинается и завершается осмыслением фундаментальных начал Бытия. В теоретическом наследии философа не вырисовывается великий систематизатор, автор макрофилософской системы, подобной тем, что создавали известные философы XVIII–XIX веков. Постнеклассическая философская мысль отказалась от методологических программ своих предшественников. Философия XX века пошла другим путем.

Теоретическое наследие Аскина, его фундаментальные монографии и научные статьи можно определить как «философию начал».

Проблема начал в философии XX века приобретает онтологические, гносеологические и аксиологические основания. Эти требования философского времени 60 – 90-х годов хорошо прослеживаются в наследии философа. Под его редакцией выходят коллективные исследования, посвященные философским принципам и категориям. Статьи Я.Ф. Аскина по принципам развития, единства, усиливали гносеологические и эвристические аспекты аскинской «философии начал».

За 30 лет работы в университете им много было сделано для развития системы философского образования. Курсы лекций для студентов, аспирантов, выступления на методологических семинарах оказали колоссальное влияние на повышение престижа философии как учебной дисциплины, как системы знаний о мире и о человеке в Саратовском государственном университете. Остается сожалеть, что профессор Я.Ф. Аскин не оставил авторского учебника по философии для студентов философского отделения. Видимо, он считал, что принципы профессиональной философской подготовки студентов университета им заложены в его учебных пособиях.

Духовный мир мыслителя, духовная вселенная философа, отразившиеся в его наследии, останутся для нас открытой книгой, которую мы будем еще много раз читать и перечитывать, размышляя и споря, участь и ища свою вселенную.



Четыре года и еще тридцать лет

Г.А. ПРАЗДНИКОВ
профессор, заведующий кафедрой
философии и истории
Санкт-Петербургской
государственной академии
театрального искусства

Долго думал, как назвать эти страницы. Наше общение, несомненно, было дружеским, я знаю это, но не решился бы назвать свой текст «Воспоминания о друге». Как-то Яков Фомич познакомил меня в Москве с Натаном Моисеевичем Годером, философом, много лет проработавшим в Фундаментальной библиотеке общественных наук. В словах каждого из них друг о друге слышалась не только привязанность, но и какая-то мужская нежность. Они были друзьями. Я не знаю, кто еще входил в круг его самых близких. Яков Фомич целомудренно защищал свой интимный мир, очень неохотно открывал его другим. Тем явственнее в таких редких разговорах чувствовалось особое тепло по отношению к родителям, погибшему брату.

Могу ли назвать его учителем? Тоже не знаю. Несмотря на наше достаточно интенсивное общение, профессиональные разговоры занимали ничтожно малое место, я не был его аспирантом, да и проработали мы вместе в Пединституте всего четыре года. Я даже не уверен, был бы сегодня в своей профессии, если бы не он: у меня не было философского образования, и это Яков Фомич убедил меня в необходимости освоить лекционный курс по философии, написать философскую статью. Он первым дал серьезную оценку моим лекциям по эстетике, был первым редактором моих статей – учил писать, не только выявляя профессиональные погрешности, но и обучая литературному стилю. Когда в 1989 году он поздравил меня с профессорским дипломом, мои ответные слова благодарности не были этикетным жестом.

Я признателен ему за крайне резкие слова в мой адрес по случаю обнаружения им невыправленных опечаток в тексте, который был дан на кафедральное обсуждение. А ведь наши отношения тогда носили не только официальный характер. Я не ожидал такого тона, мне было неловко, но, слава богу, что я получил этот урок в 25–26 лет. Всегда вспоминаю об этом с благодарностью, когда корректирую диссертационные тексты аспирантов или статьи, поступающие на рецензирование.

Но это не главное. Три с лишним десятилетия он был для меня гуру, который не учит, но которому следуют. Мне нравилось его существование в профессии – философия была для него способом экзистенциального бытия, она даже не ограничивалась рационально-теоретическим пониманием

мира, но естественно «работала» в повседневной жизни.

Он многих превосходил своей эрудицией, ясностью мысли, выверенностью и остроумной точностью формулировок, не говоря уже о качестве ума, которое можно назвать «интеллектуальной наглостью», говоря словами Т. Манна. В нем начисто отсутствовало высокомерие. Его «ступенчатый» смех (ни у кого такого не слышал) возникал в любых ситуациях, внося необходимый элемент простодушия.

Во всяком случае, несомненно, привлекательность его человеческих качеств способствовала преодолению первоначально возникшего (для меня!) возрастного барьера.

Мы познакомились в июле 1964 года. В возрасте 24 лет я переехал к родителям в Саратов из Ленинграда. За плечами у меня был двухлетний опыт вузовского преподавания. Несмотря на отпускное время, Яков Фомич пришел в ректорат для встречи. На меня он произвел впечатление пожилого лысеющего профессора из другого времени, строгий облик которого завершали сильные очки. Господи, ему было всего 38 лет! (Через месяц, когда дома отмечали 50-летие моего отца, я дивился тому, как такие старики поют под гитару и хохмят.)

В сентябре я приступил к занятиям, прошло первое заседание кафедры (на ней оказались симпатичные люди), но именно с заведующим довольно быстро установились неформальные отношения. Выяснилось, что привезенные мною магнитофонные записи Окуджавы, Высоцкого, Клячкина заинтересовали Якова Фомича. У него дома мы устроили прослушивание. Пришел со своими кассетами Николай Борисович Воронцов – заведующий кафедрой философии, кажется, политехнического института. Качество всех записей было ужасное, но мы переписывали их друг у друга. Вскоре, оказавшись у меня дома, Яков Фомич заинтересовался неплохой поэтической библиотекой, которую я собирал начиная со старших классов. Его познания в этой области оказались совершенно для меня неожиданными. Проникнувшись доверием к своему «заву», я дал ему толстенный кирпич фотокопий огромного тома стихотворений Осипа Мандельштама (знаменитое американское издание под редакцией Н. Струве), что по тем временам было небезопасно для обоих.

Это потом у меня сложится круг замечательных друзей, с которыми сдружится и Яков Фомич, а пока меня и моего друга со студенческих лет и по сей день Лиду Гусеву со своими друзьями знакомит мой кафедральный шеф. Я еще не очень хорошо понимаю научный ценз своего заведующего, знаю только, что предмет его интересов – бесконечно далекие от меня философские проблемы естествознания. Он никак не афишировал предстоящее московское издание монографии, докторскую защиту. Потом события следуют



лавинообразно: книга «Проблема времени» – доктор – профессор. Вскоре он перейдет на заведование кафедрой в Саратовский государственный университет. Мы сфотографируемся на память маленьким составом нашей пединститутской кафедры, пожелаем нашему шефу успехов на новом месте. Известность Якова Фомича растет стремительно.

Я не собираюсь давать оценку философских трудов Якова Фомича – это сделают лучше его ближайшие коллеги и ученики, тем более что вне моего поля зрения была его огромная научно-организационная работа, результаты которой достаточно хорошо известны. Его толкование времени, понимание принципов детерминизма, представление о творчестве как атрибутивном свойстве бытия или введенное в научный обиход понятие «презумпция экстраполируемости» (коллективная монография «Бесконечность и Вселенная») существуют в философии уже без ссылок на автора.

Серьезное знание и понимание искусства позволили Якову Фомичу не просто проиллюстрировать общие положения философской темпоралогии теми или иными художественными явлениями, но и дать методологическое основание целому направлению в искусствоведении и эстетике. Он считал публикацию своей статьи в книге «Ритм, пространство и время в литературе и искусстве» знаменательным (и не только для автора) событием.

Несколько лет спустя, будучи проректором по научной работе Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии, открывая большую конференцию по проблеме времени в искусстве, на которой с одним из основных докладов выступил Яков Фомич, я испытал особо радостное чувство от того, что не мною было инициировано его приглашение – имя Аскина уже было известно в среде искусствоведов, исследующих проблемы времени.

Я видел, чувствовал, что ему нравится быть своим в этой среде, он органично вошел как профессионал в область, которая всю жизнь была предметом его душевной склонности и любви.

Как-то мы вместе отмечали Новый год (1966 или 1967). Яков Фомич, произнося тост по поводу ушедшего года, начал его так: «Это был замечательный год, у меня в нем были два литературных праздника: я прочитал “Святой колодец” Катаева и “Победу” Аксенова» (опубликованная в «Юности», ныне забытая новелла.) Сказано это было искренне, без всякого кокетства.

Литературу он считал чудом, тайной, а чтение – важнейшим занятием всей его жизни. Об этом мы узнали из опубликованных посмертно фрагментов записных книжек. Там много тому свидетельств (очевидно, разных лет записи не датированы), но я мог бы добавить к зафиксированным именам и произведениям много разного. Он читал Пруста и Джойса (по первой публикации

отрывков в журнале «Интернациональная литература»), а когда я сказал об изданной у нас книге «Дублинцы», выяснилось, что читал и ее (даже вспомнил формат и цвет). Оказавшись в Ленинграде во время похорон Зощенко, он поехал на панихиду и даже нес гроб писателя. Яков Фомич был убежден, что масштаб и значение Зощенко еще не получили должной оценки. Отдельными страничками он регулярно перечитывал «Ни дня без строчки» Олеси и многократно обращаясь к «Мастеру и Маргарите», каждый раз прочитывал книгу от начала и до конца.

Таким же непосредственным было его отношение к далекой классике – с интересом читал Данте и Шекспира, не принимал Достоевского и сам же себя потом опровергал. Помню очень резкое (значительно резче, чем в записных книжках) его суждение о Чехове (здесь мы не сошлись). А какой у нас был замечательный разговор об «Обломове», которого я прочитал с «подачи» Марчелло Мастрояни, назвавшего в интервью журналу «Советский экран» Обломова своим самым дорогим и любимым героем русской литературы.

Он бывал на спектаклях и фильмах, осмысливал их и интересно «проговаривал» свои впечатления.

Неожиданно возник интерес к изобразительному искусству, даже к его коллекционированию. Он позвонил и попросить к нему приехать – купил в Москве акварель П. Кончаловского. Мне не показала эта работа значительной (на значительную, наверное, и денег бы не хватило), но был важен сам факт – он купил Кончаловского, может быть, положив начало собирательству.

Якова Фомича привлекал художественный мир, и это было одним из проявлений артистичности его натуры. Сейчас опубликованы некоторые его стихи, значительно больше их я слышал в его исполнении. Сохранилась афиша клуба МГУ о поэтическом вечере литобъединения, где в одном списке с Яковым Аскинадзе – Владимир Солоухин, вступительное слово произносил известный поэт и переводчик Михаил Зенкевич, а заключает вечер Павел Антокольский. Яков Фомич охотно предавался этим воспоминаниям, вовсе не относя их к «грехам молодости».

Сложный был человек. Открытый, доброжелательный, гостеприимный, часто по-детски импульсивный. Летом 1965 года я поехал отдыхать по путевке в пансионат г. Гудаута (Абхазия) и оттуда по договоренности послал письмо со своими южными впечатлениями Якову Фомичу. Глазам своим не поверил, когда через несколько дней увидел идущих мне навстречу Якова Фомича с Полиной Ивановной. Они прилетели из Саратова, и много дней мы отдыхали вместе – ездили в горы, купались, ели шашлыки и пили вино.

Этот напиток (иногда и в более крепком его исполнении) тоже является необходимой деталью воспоминаний. (В изданной большой книге диалогов с нашим общим другом, Моисе-



ем Самойловичем Каганом, уже ушедшим в мир иной, есть целая глава, посвященная алкоголю.) По крайней мере, не могу не поделиться несколькими репликами Якова Фомича по поводу общения «за бутылкой». Когда мы еще только «преодолевали» обычный регламент отношений руководителя и подчиненного, но уже позволили себе зайти вместе в винный отдел гастронома, мой шеф обосновал нашу покупку так: «Вообще-то, Георгий Александрович, я спокойно отношусь к спиртному, но ведь не можете вы не согласиться, что это отличное средство общения». Я не мог не согласиться.

А вот совсем другая «установка». Сфотографировавшись всем коллективом пединститутской кафедры на память, по пути из фотоателье мы зашли вместе пообедать в кафе. Заказали обед на пятерых, и Николай Андреевич Горбачев, который с трудом выпивал рюмку водки, понимая, что это последнее наше общее сидение, обратился к бывшему шефу: «Яков Фомич, может быть, мы возьмем что-нибудь для аппетита?» Шеф ответил вполне серьезно: «Николай Андреевич, когда я хочу выпить, я пью, потому что хочу выпить. И не придумываю для этого никакого камуфляжа. Давайте возьмем».

Или вот такое вполне убедительное философское обоснование необходимости продолжения застолья. Мы сидели в кафе «Ветерок» (нижний этаж моего дома), выпили бутылку какого-то дрянного вина (ничего другого не было), и Яков Фомич заказал еще одну. Не сильно сопротивляясь, я, тем не менее, сказал, что уже слегка захмелел. Реакция поразила меня простотой и убедительностью: «Георгий Александрович, а для чего же мы пьем? Мы ведь и пьем для того, чтобы захмелеть». Ну что тут скажешь?

И последнее «тематическое» воспоминание. Мы идем вдвоем посидеть в ресторане и по пути встречаем какого-то знакомого Якова Фомича, которого он приглашает быть «третьим». – «Да что Вы, Яков Фомич, я с диссертацией зашиваюсь». – «Ну что же такого? – рассудительно говорит Фомич. – Защитите диссертацию на четыре часа позже».

А вот другой – закрытый (без кавычек) – мир этого человека. Не знаю, говорил ли кому-нибудь Яков Фомич о своих записных книжках, со мной, более чем за тридцать лет знакомства, – никогда. Сказал какую-то общую фразу, явно нежелая этого разговора. Мы сидели рядом в Доме политпросвещения на встрече с первым секретарем Алексеем Ивановичем Шibaевым, выступление которого было на редкость «разбросанным» – к чему он клонил разговор, просто невозможно было понять. Когда мы вышли из зала, Яков Фомич сказал: «Обратили, Георгий Александрович, внимание? Замечательный пример ассоциативного бокового мышления» (формулу помню дословно). Так вот, во время речи мой сосед достал из кармана маленькую записную книжечку (я тоже такими

пользовался, они были одного формата и стоили 22 копейки – теперь таких нет) и что-то стал записывать. Я увидел кусочек текста, явно обращенного к самому себе: «Ни в какой ситуации не забывать...». Смущенно отвернулся, но Яков Фомич понял, что я увидел его запись и пояснил: «Кое-что набрасываю для себя».

Судя по книжкам, это скрытая от взгляда внутренняя жизнь, задания самому себе, разнообразные оценки (в первую очередь себя). Конечно, в прочитанном мною что-то совпадает с тем, о чем мы за многие годы говорили, но чаще всего это только ему ведомый мир.

Неоднократно по всяким поводам возникал у нас разговор о наградах, дипломах, аттестатах. Несколько раз он повторял фразу из романа Анатоля Франса: «Ордена, конечно, надо презирать, но лучше их презирать имея». По записным книжкам мы видим, как важны для него были эти знаки, итожащие жизнь: «Есть награды за войну, а теперь, вот, и трудовое служение отмечено медалью. Все идет нормально».

С толстовской тщательностью планировал этот человек свою жизнь, получая удовольствие и испытывая чувство покоя от реализации своих планов. Многое становится понятным в нем, когда почти как заклинание себе читаешь: «Ни обиды. Ни зависти. Ни отчаяния. Радоваться тому, что Я – это Я, быть тем, кто есть, ни с кем не соперничать. И делать добро в большем объеме, чем его получаешь сам».

У нас на кафедре в Пединституте был доцент, которого перевели на инвалидность без права работы. По инициативе Якова Фомича мы (а было нас всего 5 человек) выполняли его нагрузку, и он в течение года получал зарплату.

У Якова Фомича было в высшей степени серьезное отношение к Родине, России, к русскому народу, войне, своей армейской службе. Я это чувствовал всегда, но с какой, оказывается, определенностью он рассуждал на эти темы с самим собой. Такое же было у него отношение к педагогической работе, к науке, притом что никакой «натужности» никогда ни в разговорах, ни в действиях не было. Не было «истощности» в его бойцовском поведении, а оно не раз на моих глазах было именно таким.

Никогда в советские годы Яков Фомич не был «аллилуйщиком». С глазу на глаз мог высказываться резко. Как-то на мои сетования по поводу очередного «закручивания гаек» жестко сказал: «В вашем возрасте такая инфантильность неприлична. Неужели не ясно: гайка стоит, и никто ее снимать не собирается». Перестройку, как и все мы, принял радостно, но направленность реформ, по-моему, оглушила его. В записных книжках мелькает что-то об «окаенных днях» 1991, но это слабый выплеск того, что происходило в душе.

Как знать, какую роль играют все эти переживания в жизни наших клеток? Об этом горько писать. И не могу молчать.



Обычно, приезжая в Саратов, я в первый же день звонил ему. Раздавалось долгое «А-а-а... Георгий Александрович! Приходите прямо сейчас, Поленька нам что-нибудь соберет». Так было почти 30 лет.

Последний разговор летом 1997 был такой:

– Я не могу вас позвать. У нас плохо.

– Что плохо?

– Все плохо. Простите.

Мне уже дважды пришлось писать воспоминания о близких мне ушедших из жизни людях. В этом году мне самому должно исполниться 70 лет, а Яков Фомич покинул этот мир в 71. Невольно подводишь собственные итоги. Не все сложилось, не всем доволен. Однако было в моей жизни везение, не всем выпадающее – замечательные люди. Очень разные, но замечательные.

Мои воспоминания об Аскине

В.Н. БЕЛОВ

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой
философии культуры и культурологии,
декан факультета философии и психологии
Саратовского государственного
университета

С Я.Ф. Аскиным я стал достаточно интенсивно общаться с середины 90-х годов прошлого века, когда он ушел на пенсию, а я поступил в докторантуру и активно занимался подготовкой своей докторской диссертации. В общем, у нас было много свободного времени, и мы его использовали для самого, наверное, ценного в жизни – человеческого общения. Наши встречи мы сами планировали, и они проходили не реже одного раза в неделю. Нужно сказать, что после завершения преподавательской карьеры Яков Фомич испытывал определенный дефицит человеческого общения и был всегда очень рад, если к нему приходили в гости друзья, коллеги, знакомые. Я, в силу нашей разницы в возрасте, не мог, конечно, относить себя к друзьям Якова Фомича, но встречи наши проходили в теплой и дружеской обстановке.

Темы наших бесед были самыми разнообразными. Яков Фомич живо интересовался делами на кафедре и в университете, всеми изменениями в жизни его коллег. Не обходилось и без обсуждения философских проблем, которыми занимался мэтр и которые интересовали меня в ту пору. Нужно сказать, что политические и спортивные темы его мало занимали. Иногда размышления Якова Фомича по той или иной философской проблематике выводили его на воспоминания о людях, известных в философской среде, с которыми ему приходилось учиться, работать или контактировать на международных конференциях,

конgressах, защитах кандидатских и докторских диссертаций. Религиозная тематика была для него, на мой взгляд, достаточно болезненной. Он и не считал себя воинствующим атеистом, но и верующим он никогда не был, честно признавая свою неспособность верить в Бога.

Когда я в середине 1997 года стал готовиться к поездке в Германию, выиграв грант немецкой службы академических обменов, Яков Фомич попросил меня связаться там с его старшим братом и дал мне контактные телефоны. Он рассказал мне о его трагической судьбе. Брат со своей женой, русской немкой, проживал в Казахстане, а когда стал возможен переезд в благополучную Германию, решил уехать туда к родственникам жены. Но сразу после приземления в немецком аэропорту его жена скончалась, не выдержав, наверное, физических и эмоциональных перегрузок, и брат Якова Фомича оказался совершенно один в чужой стране, не владея немецким языком.

Яков Фомич ушел из жизни до моего отъезда в Германию, но я выполнил его последнюю просьбу, встретившись с его братом.

Женщина из-за овражья

Т.П. ФОКИНА

профессор кафедры
социальных коммуникаций
Поволжской академии
государственной службы

Человек «с биографией». Так говорят не просто о значительных людях, а о тех, жизнь и судьба которых интересна сама по себе как знаковое явление, тесно связанное со своим временем, его изломами и изгибами, итогами и последствиями. К числу таких людей принадлежит, несомненно, Яков Фомич Аскин.

Время, о котором он много размышлял и многое успел сказать, только усиливает значительность его личности, важность решений, принимаемых им как гражданином, ученым, руководителем, товарищем. Этих решений он не боялся, хотя многие из них требовали от него умения рисковать, размышлять и отвечать за их последствия.

Для меня некоторые его решения оказывались поворотными. Я не училась у Якова Фомича, не была ни его студенткой, ни аспиранткой, но в момент защиты диссертации в 1967 году он оказал мне существенную поддержку при подборе оппонентов и во время дискуссии, на самой защите.

В то же время он пожурил меня за то, что я «умудрилась» написать свою квалификационную работу по философии техники, плохо зная западных философов, которые писали по этой проблеме. Оправдания по поводу «занавеса», хотя бы и «железного», им не принимались. Он полагал, что



Обычно, приезжая в Саратов, я в первый же день звонил ему. Раздавалось долгое «А-а-а... Георгий Александрович! Приходите прямо сейчас, Поленька нам что-нибудь соберет». Так было почти 30 лет.

Последний разговор летом 1997 был такой:

– Я не могу вас позвать. У нас плохо.

– Что плохо?

– Все плохо. Простите.

Мне уже дважды пришлось писать воспоминания о близких мне ушедших из жизни людях. В этом году мне самому должно исполниться 70 лет, а Яков Фомич покинул этот мир в 71. Невольно подводишь собственные итоги. Не все сложилось, не всем доволен. Однако было в моей жизни везение, не всем выпадающее – замечательные люди. Очень разные, но замечательные.

Мои воспоминания об Аскине

В.Н. БЕЛОВ

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой
философии культуры и культурологии,
декан факультета философии и психологии
Саратовского государственного
университета

С Я.Ф. Аскиным я стал достаточно интенсивно общаться с середины 90-х годов прошлого века, когда он ушел на пенсию, а я поступил в докторантуру и активно занимался подготовкой своей докторской диссертации. В общем, у нас было много свободного времени, и мы его использовали для самого, наверное, ценного в жизни – человеческого общения. Наши встречи мы сами планировали, и они проходили не реже одного раза в неделю. Нужно сказать, что после завершения преподавательской карьеры Яков Фомич испытывал определенный дефицит человеческого общения и был всегда очень рад, если к нему приходили в гости друзья, коллеги, знакомые. Я, в силу нашей разницы в возрасте, не мог, конечно, относить себя к друзьям Якова Фомича, но встречи наши проходили в теплой и дружеской обстановке.

Темы наших бесед были самыми разнообразными. Яков Фомич живо интересовался делами на кафедре и в университете, всеми изменениями в жизни его коллег. Не обходилось и без обсуждения философских проблем, которыми занимался мэтр и которые интересовали меня в ту пору. Нужно сказать, что политические и спортивные темы его мало занимали. Иногда размышления Якова Фомича по той или иной философской проблематике выводили его на воспоминания о людях, известных в философской среде, с которыми ему приходилось учиться, работать или контактировать на международных конференциях,

конгрессах, защитах кандидатских и докторских диссертаций. Религиозная тематика была для него, на мой взгляд, достаточно болезненной. Он и не считал себя воинствующим атеистом, но и верующим он никогда не был, честно признавая свою неспособность верить в Бога.

Когда я в середине 1997 года стал готовиться к поездке в Германию, выиграв грант немецкой службы академических обменов, Яков Фомич попросил меня связаться там с его старшим братом и дал мне контактные телефоны. Он рассказал мне о его трагической судьбе. Брат со своей женой, русской немкой, проживал в Казахстане, а когда стал возможен переезд в благополучную Германию, решил уехать туда к родственникам жены. Но сразу после приземления в немецком аэропорту его жена скончалась, не выдержав, наверное, физических и эмоциональных перегрузок, и брат Якова Фомича оказался совершенно один в чужой стране, не владея немецким языком.

Яков Фомич ушел из жизни до моего отъезда в Германию, но я выполнил его последнюю просьбу, встретившись с его братом.

Женщина из-за овражья

Т.П. ФОКИНА

профессор кафедры
социальных коммуникаций
Поволжской академии
государственной службы

Человек «с биографией». Так говорят не просто о значительных людях, а о тех, жизнь и судьба которых интересна сама по себе как знаковое явление, тесно связанное со своим временем, его изломами и изгибами, итогами и последствиями. К числу таких людей принадлежит, несомненно, Яков Фомич Аскин.

Время, о котором он много размышлял и многое успел сказать, только усиливает значительность его личности, важность решений, принимаемых им как гражданином, ученым, руководителем, товарищем. Этих решений он не боялся, хотя многие из них требовали от него умения рисковать, размышлять и отвечать за их последствия.

Для меня некоторые его решения оказывались поворотными. Я не училась у Якова Фомича, не была ни его студенткой, ни аспиранткой, но в момент защиты диссертации в 1967 году он оказал мне существенную поддержку при подборе оппонентов и во время дискуссии, на самой защите.

В то же время он пожурил меня за то, что я «умудрилась» написать свою квалификационную работу по философии техники, плохо зная западных философов, которые писали по этой проблеме. Оправдания по поводу «занавеса», хотя бы и «железного», им не принимались. Он полагал, что



Обычно, приезжая в Саратов, я в первый же день звонил ему. Раздавалось долгое «А-а-а... Георгий Александрович! Приходите прямо сейчас, Поленька нам что-нибудь соберет». Так было почти 30 лет.

Последний разговор летом 1997 был такой:

– Я не могу вас позвать. У нас плохо.

– Что плохо?

– Все плохо. Простите.

Мне уже дважды пришлось писать воспоминания о близких мне ушедших из жизни людях. В этом году мне самому должно исполниться 70 лет, а Яков Фомич покинул этот мир в 71. Невольно подводишь собственные итоги. Не все сложилось, не всем доволен. Однако было в моей жизни везение, не всем выпадающее – замечательные люди. Очень разные, но замечательные.

Мои воспоминания об Аскине

В.Н. БЕЛОВ

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой
философии культуры и культурологии,
декан факультета философии и психологии
Саратовского государственного
университета

С Я.Ф. Аскиным я стал достаточно интенсивно общаться с середины 90-х годов прошлого века, когда он ушел на пенсию, а я поступил в докторантуру и активно занимался подготовкой своей докторской диссертации. В общем, у нас было много свободного времени, и мы его использовали для самого, наверное, ценного в жизни – человеческого общения. Наши встречи мы сами планировали, и они проходили не реже одного раза в неделю. Нужно сказать, что после завершения преподавательской карьеры Яков Фомич испытывал определенный дефицит человеческого общения и был всегда очень рад, если к нему приходили в гости друзья, коллеги, знакомые. Я, в силу нашей разницы в возрасте, не мог, конечно, относить себя к друзьям Якова Фомича, но встречи наши проходили в теплой и дружеской обстановке.

Темы наших бесед были самыми разнообразными. Яков Фомич живо интересовался делами на кафедре и в университете, всеми изменениями в жизни его коллег. Не обходилось и без обсуждения философских проблем, которыми занимался мэтр и которые интересовали меня в ту пору. Нужно сказать, что политические и спортивные темы его мало занимали. Иногда размышления Якова Фомича по той или иной философской проблематике выводили его на воспоминания о людях, известных в философской среде, с которыми ему приходилось учиться, работать или контактировать на международных конференциях,

конgressах, защитах кандидатских и докторских диссертаций. Религиозная тематика была для него, на мой взгляд, достаточно болезненной. Он и не считал себя воинствующим атеистом, но и верующим он никогда не был, честно признавая свою неспособность верить в Бога.

Когда я в середине 1997 года стал готовиться к поездке в Германию, выиграв грант немецкой службы академических обменов, Яков Фомич попросил меня связаться там с его старшим братом и дал мне контактные телефоны. Он рассказал мне о его трагической судьбе. Брат со своей женой, русской немкой, проживал в Казахстане, а когда стал возможен переезд в благополучную Германию, решил уехать туда к родственникам жены. Но сразу после приземления в немецком аэропорту его жена скончалась, не выдержав, наверное, физических и эмоциональных перегрузок, и брат Якова Фомича оказался совершенно один в чужой стране, не владея немецким языком.

Яков Фомич ушел из жизни до моего отъезда в Германию, но я выполнил его последнюю просьбу, встретившись с его братом.

Женщина из-за овражья

Т.П. ФОКИНА

профессор кафедры
социальных коммуникаций
Поволжской академии
государственной службы

Человек «с биографией». Так говорят не просто о значительных людях, а о тех, жизнь и судьба которых интересна сама по себе как знаковое явление, тесно связанное со своим временем, его изломами и изгибами, итогами и последствиями. К числу таких людей принадлежит, несомненно, Яков Фомич Аскин.

Время, о котором он много размышлял и многое успел сказать, только усиливает значительность его личности, важность решений, принимаемых им как гражданином, ученым, руководителем, товарищем. Этих решений он не боялся, хотя многие из них требовали от него умения рисковать, размышлять и отвечать за их последствия.

Для меня некоторые его решения оказывались поворотными. Я не училась у Якова Фомича, не была ни его студенткой, ни аспиранткой, но в момент защиты диссертации в 1967 году он оказал мне существенную поддержку при подборе оппонентов и во время дискуссии, на самой защите.

В то же время он пожурил меня за то, что я «умудрилась» написать свою квалификационную работу по философии техники, плохо зная западных философов, которые писали по этой проблеме. Оправдания по поводу «занавеса», хотя бы и «железного», им не принимались. Он полагал, что



в любых условиях ученый должен знать все, что возможно и невозможно. Урок я хорошо усвоила и потратила немало лет на то, чтобы ликвидировать данный пробел, заполнить лакуны в своем образовании, тем более что это оказалось увлекательным и весьма полезным занятием. Яков Фомич своим личным примером задавал нам нормы научности, профессионализма. Он не любил дилетантов. Правда, французский, как и многие другие языки, я, увы, так и не выучила.

Еще один момент в моей профессиональной судьбе тоже был связан с решением, которое принимал именно Яков Фомич. После аспирантуры я десять лет работала на кафедре философии медицинского института. Наступил момент, когда моему мужу предложили заведовать этой кафедрой, а мне, как «родственнице», нужно было ее покинуть. Именно тогда раздался звонок Якова Фомича с предложением перейти в университет. Это нужно было сделать быстро, да я и так летела как на крыльях.

Так в 1975 году я оказалась в университете, где проработала почти двадцать лет, о которых вспоминаю как о плодотворных, интересных, по-хорошему трудных и счастливых. Почти сразу мне поручили руководить диссертационными исследованиями. Вместе с Яковым Фомичом мы, молодые ученые, увлеченно разрабатывали довольно сложные и «коренные» проблемы диалектики, ее принципы, основания, категории, участвовали в междисциплинарных исследованиях.

Яков Фомич был крупной, яркой личностью. Может быть, слишком крупной для Саратова. Это позволяло ему быть в известной степени независимым и давало право на что-нибудь сильно рассердиться.

Его речь всегда была убедительна, часто остроумна. Он везде был кстати и оказывался в центре событий, будь то заседание кафедры, конференция или банкет. Яков Фомич любил острое словцо. Вспоминаю некоторые его замечания в мой адрес: «Тамара Петровна, почему вы все время в одной и той же кофточке?» – «Не переживайте, Яков Фомич, я ее часто стираю». И еще одна шутка. Яков Фомич часто называл меня, подсмеиваясь, «женщиной из-за овражья». В самом деле, я до сих пор живу на другом «берегу» Белоглинского оврага. Но Яков Фомич имел в виду, конечно, не место проживания, а нечто другое. И он был совершенно прав. Светлая ему память.

Его удивительный смех

И.В. ПОРОХ

доктор исторических наук, профессор

Не каждое знакомство перерастает в дружбу на долгие годы, согревает теплотой взаимности. Наши взаимоотношения с Яковым Фомичом, начавшиеся с астраханского землячества, были

долгими и искренними. В день моего 70-летия он подарил мне свое стихотворение, в котором была такая строфа:

«Стираются в памяти лица,
Тускнеют, как в дымке, глаза,
Но сердце не хочет смириться, – Звучат в нем
друзей голоса».

Слова эти оказались символическими. И не забывается не только голос Якова, но и его удивительный смех...

«Не мешать аспиранту работать»

Н.А. ГОРБАЧЕВ

доктор философских наук, академик

В начале 50-х, когда Яков Фомич Аскин окончил аспирантуру философского факультета МГУ, я был еще студентом и, к сожалению, не был с ним знаком. Судьба свела нас в 1958 году, когда Яков Фомич согласился быть моим научным руководителем. Вспоминаются многие его оригинальные изречения. Он, в частности, говорил, что «задача научного руководителя – не мешать аспиранту работать».

После защиты им докторской диссертации один из преподавателей заявил: «Яков Фомич, а вы совсем не изменились», на что Аскин даже воскликнул: «Было бы страшно, если бы я изменился!»

За полгода до его неожиданной кончины я как-то звонил Якову Фомичу и сказал, что считаю его «своим учителем», он с удовлетворением ответил, что ему это нравится.

Щедрый наставник

Е.В. ЛИСТВИНА

доктор философских наук,
профессор кафедры философии
культуры и культурологии Саратовского
государственного университета

В памяти моего поколения Яков Фомич остается признанным и безоговорочным авторитетом в области науки. Но для тех, кто сталкивался с ним ближе, он раскрывался с еще одной стороны. Это был удивительно чуткий учитель, бережно относившийся ко всем замыслам и проектам молодых ученых, щедрый наставник, умело направлявший наши интересы, тактично и корректно позволял раскрыться тому творческому потенциалу, который, может быть, мы и сами в себе еще до конца не осознавали. Он нам дал «путевку» в дальнейшую научную жизнь, свое благословение, а также возможность реализовать себя в науке.



Он же – «Ас»

О.И. КУЛАПИНА

**доктор искусствоведения,
профессор кафедры теории
музыки и композиции**

Саратовской государственной консерватории

Яков Фомич Аскин был удивительным человеком, который обладал глобальным мышлением, мощной энергетикой, поражал силой и глубиной интеллекта. Он был явным лидером философской школы Саратова, о чем говорило, к примеру, характерное изречение столичных ученых, метко называвших саратовских философов «аскинцами».

Бог наделил его не только внешностью философа-мыслителя, но и поистине «космическими» талантами: феноменальной памятью, неувядающим интересом ко всему новому, редким даром предвидения, который во многом опирался на энциклопедический ум, безупречную логику мышления и, конечно же, богатый жизненный опыт.

Даже фамилия и имя его кажутся глубоко символическими, вбирающими в себя все – от «А» до «Я»: он же – «АС»!

Помню, как в не столь давние времена, в период гонки вооружений, когда миру угрожала ядерная катастрофа, Яков Фомич четко среагировал на мой вопрос: «Разум победит!». Пророческим оказалось и его точное определение известных ныне жесточайших последствий чеченской войны.

Поражала его речь: он говорил твердо, уверенно, весомо, облачая каждую мысль в четкую и совершенную форму.

Он был умен, честен, доброжелателен, с чувством юмора, интеллигентен, мужествен, жизнелюбив (таким сделала его война, ведь он мальчишкой добровольно ушел на фронт, несмотря на запрет родителей). И вместе с тем в жизни Яков Фомич был простым и скромным человеком. Одним словом, Яков Фомич был неповторимо гармоничной светлой личностью.

ПАМЯТЬ ПОМНИТ ВСЁ...

- Аскин и время – идентичные понятия (Н.М. Андреев).
- Удовольствие, когда слушаешь философа: поэзия понятий (Сушков, Ростов).
- Ты по натуре критик, ты умеешь вскрыть сущность произведения (В. Розенберг, 1943 г.).
- Аскин создал свою философскую Вселенную (В.Б. Устьянцев).
- Златоуст (В.А. Артисевич, Научная библиотека СГУ).
- Фундаменталист (по тематике, проблематике)! (В.И. Снесар).
- Аскинцы (Московские философы о саратовских философах. – Ред.).
- С Вами в Саратове существует философия (Ю.А. Корсаков).
- Вы пришли к нам философом. Вы не из тех, кто пришел в философию, а кто отдал себя философии (Е.И. Беляев).
- Твой приезд всегда праздник (Л. Баженов).
- Большой ученый, яркая самобытная личность (Ю.А. Скляр).
- Мой учитель – профессор Я.Ф. Аскин (В.Н. Гасилин).
- Без Вас будет пресно (Г.В. Дыльнов).
- Единомышленник (М.С. Каган).
- Живой классик (В.П. Кохановский).
- В университете нет философского факультета, зато есть аскультет (А.И. Демидов, 1986 г.).
- Этот мудрый, мужественный Человек, основатель и глава саратовской философской школы навсегда останется с университетом (Д.И. Трубецков).

ЭПИТАФИЯ

Я знала тайно, что уйдет, сойдет он в мир иной
И яд снотворного вкусит осеннюю порой.
Уйдет разумно, нелегко и стойко, как солдат,
Который, смерть приняв в бою,
героем стал баллад.

Он был мужчиной: честен, смел и гневен,
коль в пылу,
Но дружбой, честью дорожил и скромнен был
в миру.
Научных книг авторитет знаком за рубежом,
Недаром наш университет гордится Фомичом!

А ум глобален был и строг, ясна, логична мысль.
В науке он – и царь, и Бог,
рос интеллектом ввысь!
А память, знание языков, ум, кругозора ширь!
Любой России верный муж сказал бы:
«Он – кумир!»

Он был пророком наших дней: объяв событий рой,
Слагал с разящей быстротой их разворот земной.
А человек он был простой и добрый, как отец,
Ложь ненавидел, хамства вой и хитрость,
наконец.

В великодушии своём порой застенчив был,
Боясь обидеть тех словцом,
кто подчинённым слыл.
В душе – романтик и Орфей,
ведь с рифмою дружил,
И в лёгком, нежном вальсе фей
с гармонией кружил.



ГОДЫ ЖИЗНИ (фоторяд)



Школьные годы (1936 г.)



Возвращение с фронта (1945 г.)



Студент философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (1948 г.)



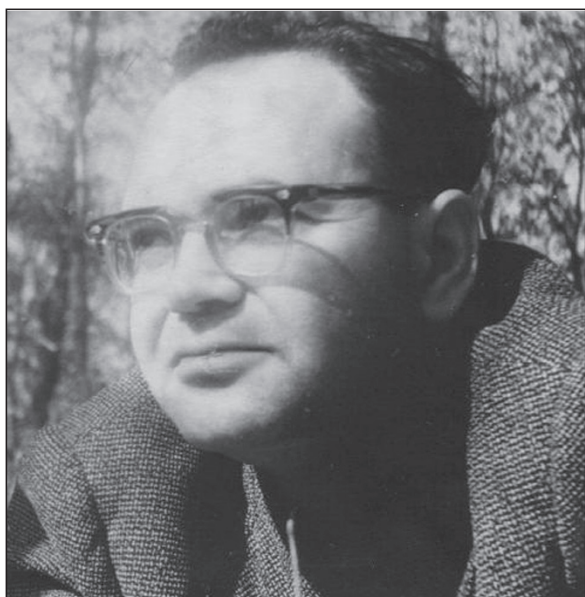
Заведующий кафедрой философии Саратовского государственного педагогического института (1962 г.)



С женой П.И. Садчиковой (1965 г.)



Встреча сотрудников Саратовского государственного педагогического института с писателем К.А. Фединым (1968 г.)



В минуты отдыха (1965 г.)



Бухарест (1968 г.)



Всемирный конгресс по философии в Варне (1973 г.)



Отдых на Эльбрусе (1974 г.)



С другом и соратником, доктором философских наук, профессором В.Н. Борисовым (1978 г.)



Научная конференция в Ульяновске (1982 г.)



Научная конференция в Ульяновске (1982 г.)



Выступление на митинге у обелиска воинской Славы в студенческом городке (9 мая 1984 г.)



Выступление на городском философском семинаре (Саратов, 1984 г.)



В кругу коллег (1985 г.)



На профсоюзном собрании кафедр общественных наук Саратовского государственного университета (1990 г.)



Поздравления коллег в день 70-летнего юбилея (16 октября 1996 г.)



Поздравления коллег в день 70-летнего юбилея (16 октября 1996 г.)